А.В.
ЛУНАЧАРСКИЙ

МЕСЯЦ ПО СИБИРИ

ИЗДАНИЕ
КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ
ЛЕНИНГРАДА

Л-309907н

04 OCT 2019

Z

Марія Васильевна Красноженова

БИБЛИОТЕКА
Красноярского
Краевого Музея
№ гл. 10353

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

МЕСЯЦ ПО СИБИРИ

3641

10

КРАСНАЯ ГАЗЕТА
ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИНГРАД
1929

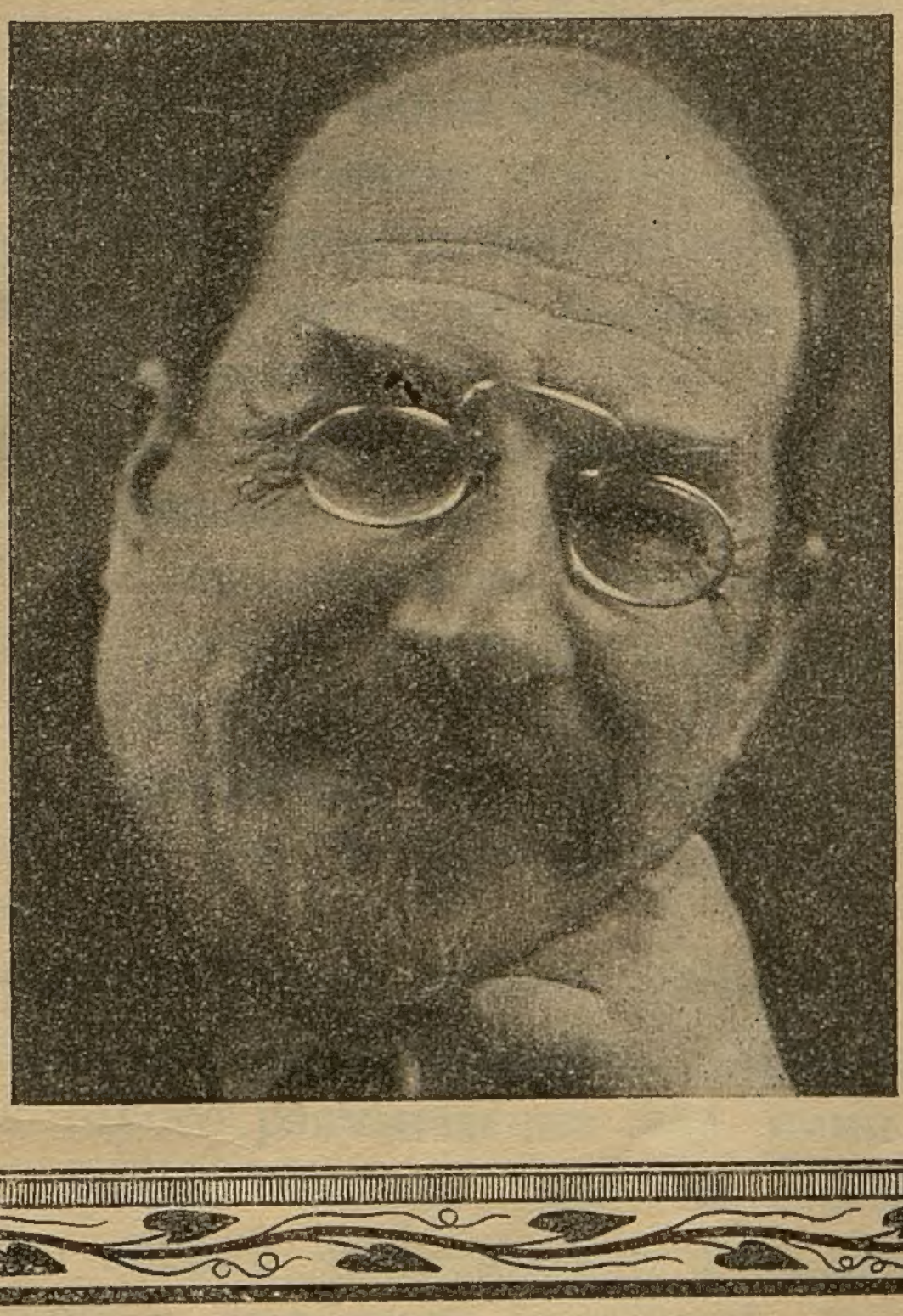
338(57)
Л84

Государственная универс...
научная библиотека
Красноярского края
№ т. 309907 - Н

ТИПОГРАФИЯ
«КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»
ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО
ЛЕНИНГРАД
Фонтанка, 57

Снимки в брошюре Е. И. Явно.

Ленинградский Областлит № 22999. Заказ № 150. Тираж 20.000.



А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

Народный комиссар по просвещению РСФСР

ОТ АВТОРА

Перед отъездом моим в Сибирь я дал обещание некоторым газетам писать оттуда письма, в которых отразилось бы непосредственное живое впечатление обо всем, что бросится в глаза или заинтересует меня.

В кипучей, очень напряженной работе, которую мне пришлось проделать в этот „сибирский месяц“, я с удовольствием улавливал отдельные моменты переездов в поезде, а иногда и ночные часы, для того, чтобы, — немножко наскоро, конечно,— суммировать мои впечатления, кое-что припомнить, кое в чем разобраться, кое-что отметить.

Корреспонденции имеют характер путевых набросков, а иногда некоторого подытоживания их, некоторого размышления над ними. Ни на какую систематичность они не претендуют, никакого общего представления о Сибири или углубления в проблемы сибирской экономической, культурной и общественной жизни не дадут. Они возбудили, однако, живой интерес читателей, к тому же мои многочисленнейшие друзья (за этот месяц я приобрел их поистине

массами, чем не мало горжусь и чему очень радуюсь) говорили мне, что в Сибири такие живые отклики были бы приняты с интересом.

Вот почему я решаюсь издать эти мои не притязательные очерки отдельной брошюрой. Конечно, их можно было бы обработать, их можно было бы пополнить путем привлечения разного книжного материала, но этого я делать не могу в виду отсутствия времени и не хочу, потому что весь тон этих корреспонденций не таков; книжки о Сибири, которая давала бы о ней более или менее научное представление (хотя бы и популярно-научное), из них все-равно не получилось бы, а характер заметок, очерков, беглых зарисовок, сорванных с-пылу с жару, нервно, под непосредственным впечатлением набросанных,— был бы потерян.

Если достоинств, связанных именно с такими очерками „путешественника“, да еще путешественника, занятого большой работой и замечающего окружающее лишь параллельно с ней и в промежутках ее, в этой брошюре нет,—тогда в ней нет никаких достоинств.

Будем надеяться, что к такому пессимистическому выводу читатели мои не придут и что известное удовольствие и известное поучение из этой брошюры смогут извлечь как люди, не видавшие Сибири, так и сами сибиряки.

Москва, январь
1929 г.

ОМСК—ЛЕНИНСК-ОМСКИЙ

В Омске я был впервые ровно пять лет тому назад. Не могу сказать, чтобы во внешности этого города произошли какие-нибудь серьезные изменения.

Вообще говоря, Сибирь строится довольно бурно, но на Омске это не особенно заметно. Нельзя не отметить, например, совершенного отсутствия школьного строительства. За все это время построена только одна небольшая деревянная школа для татарских детей. Больше подвинулось, повидимому, в самом Омске строительство промышленное. Вырос и продолжает расти завод „Красный Пахарь", который поставляет — пока почти один — на всю Сибирь хорошие пароконные плуги. Их он производит все больше, увеличивая, например, в текущем году производство с тридцати слишком тысяч почти до 50.000 и в то же время снижая стоимость плуга на 8%.

Когда я выступал на большом митинге перед рабочими „Красного Пахаря", через меня Совнаркому СССР был поднесен плужок, необычайно изящно сделанный „фабзайцами" этого завода и воспроизводящий с совершенной точностью плуг того типа, который десятками тысяч гонит в глубину Сибири этот завод.

Однако, Сибирь мечтает о своем сибирском гигантском Сельмаше ростовского или сталинградского типа. Требование создать его я слышал потом постоянно и от рабочих и от хозяйственников.

Но если внешний вид Омска мало изменился, то внутренний рост его не подлежит никакому сомнению. Два института, ветеринарный и медицинский, за промежуток в пять лет выросли и окрепли. Студенчество производит наилучшее впечатление и позволяет надеяться, что эта молодежь даст большой процент будущих хороших строителей социализма.

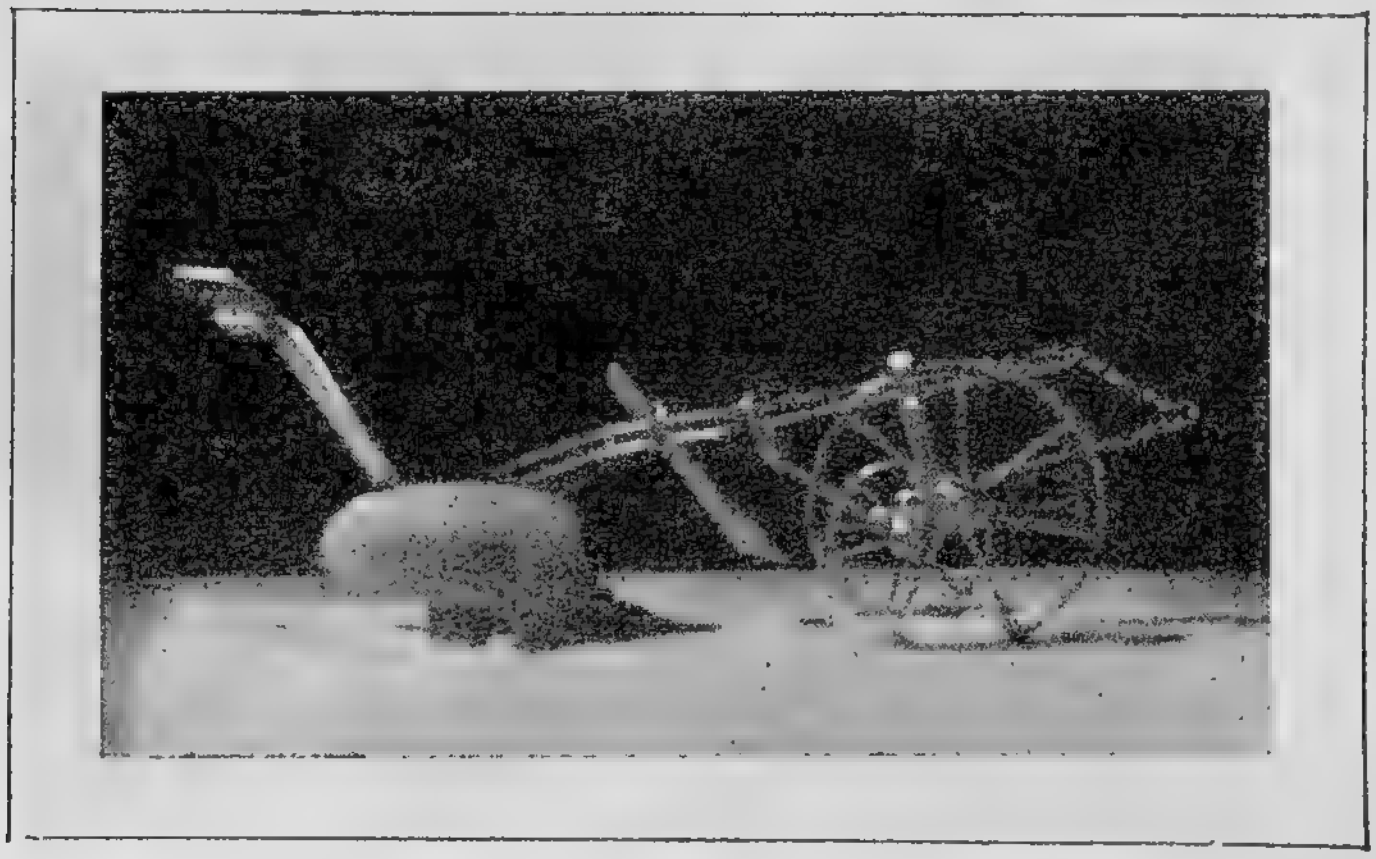
Сибирские рабочие прекрасно сознают свое авангардное положение в огромном крестьянском крае.

В гигантском сборочном цехе железнодорожных мастерских Омского узла состоялся митинг. Собралось чуть не 5.000 человек. Весь цех представлял собою массу голов, люди громоздились массами на кранах, фермах, гроздьями свешивались с каких-то столбов и установок, так что любо-дорого было смотреть на всю эту живую человеческую стихию. Только свистки паровозов от времени до времени досадно нарушали эту исключительную тишину, тишину громадной массы, которая вслушивается в каждое слово,—тишину желанную столь для всякого оратора и всякого политического деятеля. В такой тишине кажется, что ты бросаешь привезенные с собою из центра семена в самую глубину распаханной революцией, темной, но плодородной сибирской земли.

То же впечатление впитывающего в себя новые силы и, вместе с тем, какого-то родственного понимания уже давно преодолевшего всякие колебания, нашел я на большом митинге просвещенцев и во время выступления у комсомольцев, и, в особенности, на моем большом докладе, представлявшем из себя официальный отчет правительства омским избирателям.

У Омска находится небольшой, уже фактически почти слившийся с ним городок—Ленинск. Этот горо-

док Ленинск-Омский (в отличие от Ленинска-Кузнецкого) весь сплошь населен рабочими-железнодорожниками. Во главе его стоит выдвиженец, долго ездивший машинистом. Я жалею, что не мог как следует осмотреть этот городок и разобраться в его быстро движущейся вперед жизни. Здесь я впервые встретил тот тип сибирского рабочего клуба, который по-



Модель плуга — подарок рабочих Омского завода „Красный Пахарь". На плуге надпись: „Совнаркому СССР. Пашите глубже, вырывайте с корнем всякое вредительство".

том я встречал часто; только здесь он, пожалуй, выражен лучше всего, ибо ленинский клуб имеет не только прекрасную, светлую, приспособленную для театральных собраний залу, но еще и интересное фойе, и комнату для детей, которых оставляют здесь родители, пришедшие провести вечер в клубе, хорошо организованные кабинеты и т. д., — словом, клуб образцовый.

Надо сказать, однако, что и в омском партклубе, расположенном в старом, но однако достаточно приспособленном для своей цели здании, я нашел много заслуживающего всяческой похвалы. Например, политпросветительный кабинет организован положительно хорошо и дает полную возможность каждому партийцу серьезно заниматься политическим самообразованием.

Отчет правительства на собрании рабочих в сборочном цехе Омских ж.-д. мастерских. Присутствовало около 5000 чел.

В Ленинске, в отличие от Омска, имеется бурное школьное строительство. Оно привело уже к чрезвычайно выразительному результату, именно к введению всеобщего общедоступного четырехлетнего образования, и вместе с тем к быстрому приближению к другому этапу—общедоступной семилетке. Здесь это не чрезмерная торопливость и не заметная иногда у сибиряков преждевременная решительность, а действительная реализация

всеобщего обучения, чего никак нельзя сказать, например, о таком чуде, как введение в Томской губернии общедоступной четырехлетки с последующим крайним удивлением томичан по поводу того, что, несмотря на провозглашение этого принципа, очень многие дети оказались вне школы.

Ленинск-Омский являет собою кусочек стремительного сибирского строительства. Это строительство является уже началом, так сказать, торжествующим в Новосибирске.

„СИБ-ЧИКАГО“

Пять лет тому назад Новосибирск представлял собою еще ту полудеревню, которая была пышно переименована в Ново-Николаевск после некоторых коммерческих успехов, вызванных перекрестком Сибирской ж. д. и большого речного пути.

Подъехав к нынешнему Новосибирску, вы не заметите большой разницы с прошлым. У Новосибирска прекурьезный вокзал. Центр его деревянный; он был построен еще до новониколаевских времен. С переименованием в Новосибирск вокзал этот приобрел два парадоксальных фланга из камня, но все еще остался оригинальным разве только своей неуклюжестью, заурядным провинциальным вокзалом. В скором времени, как утверждают новосибирцы, на этом месте возникнет громадный железно-дорожный центр, который будет стоить не менее 5 миллионов рублей,— на меньшем новосибирцы помириться не хотят.

Но как только вы въезжаете в город, налево вы видите громадное, занимающее целый квартал, строящееся, еще в лесах, здание. Это первый образчик вновь строимого жилого дома, а дальше вас ожидают все новые сюрпризы. Вы поедете мимо громадных зданий банков, магазинов с роскошными витринами, залитыми электричеством, вы увидите могучие контуры Дворца Труда, Дома Ленина, здания Исполкома и т. д.

Новый город странен, как всегда бывают странны такие, меняющие свою шкуру, „Чикаго“. Еще повсюду есть следы старой шкуры, и даже многочисленные следы.

Серой чешуей проходят перед вами деревянные или вульгарно кирпичные стройки, длинные пустыри, заставленные домишками, а потом вдруг вы опять выезжаете к великолепному зданию,—скажем, сельско-хозяйственному техникуму, который своим симметрическим фасадом, на манер какого-то дворца Липпи, доминирует над гигантской площадью.

„Жилстроительство" в Ново-Николаевске до Октября

Днем я еще лучше рассмотрел этот оригинальный город, выросший в двухсоттысячную столицу и неудержимо мчащийся вперед, как настоящий сибирский Чикаго.

Новые здания (а их много) положительно превосходны. В то время, как новая стройка в Москве возбуждает некоторые сомнения мрачной окраской многих фасадов, какой-то угрюмой тяжеловесностью их пропорций, общей архитектурой, представляющей собой

своеобразные и, на мой взгляд, не очень удачные изводы нынешних немецких архитектурных мод,— Новосибирск пошел откровенно по американскому пути, очень вольно, однако, варьируя заокеанские архитектурные мотивы. Зато есть и много построек „очаровательных“ в противоположном смысле. Чего тут только нет: какие-то домишки в одно окно, самые фантастические халупки, хатки из всякого бросового материала,— была бы печь в середине, да хоть какие-нибудь стены, удерживающие тепло!—Во многих местах, как например в овраге, разделяющем город на две части, люди селятся совершенно безданно и беспошлинно, абсолютно самовольно. Такого рода поселения называются обыкновенно „нахалками“ и такие самосельные „нахалки“ имеются чуть ли не в каждом сибирском городе.

Кроме того, Новосибирск вообще стелется необыкновенно широко. Периферия его, вероятно, не уступает московской. Домишки, халупки бегут вдаль, не стесняясь пространством. От этого обслуживание подобного города становится дьявольски трудной задачей. В самом деле, извольте-ка такую громаду вымостить, обслужить водопроводом, электричеством!

Как насчет мостовых — не знаю, — зима-матушка мостит прекрасно; но летом, говорят, в трех четвертях сибирской столицы ходить нужно с опасением, чтобы не увязнуть в грязи, а местами и на лошади не проедешь. Как с водопроводом — тоже не знаю; может быть, и есть не мало таких частей города, где о водопроводе еще и не мечтают. Но электричества—бездна. Оно не только сияет и переливается на самый западноевропейский лад в центре города, но и освещает все закоулки, придавая городу среди белоснежных снегов в общем крепкий и нарядный вид. На этом фоне

даже и нищета выглядит временным этапом, каким-то бивуачным переходным состоянием, допущенным до тех пор, пока еще недостаточно настроено американских дворцов.

Жители приливают в Новосибирск со всех сторон и распирают его. Дети этих жителей набиваются в школы до отказа. Они срывают всякое качество школы, ибо если даже родители заводят при школе на сред-

Дворец Труда в Новосибирске

ства, собранные по самообложению, какую-нибудь мастерскую или зал для отдыха, немедленно ОНО превращает их в обыденное классное помещение и все нивелируется до серого уровня заурядной школы неприглядного типа. Что же поделаешь — не решаются качеством заменять количество, чтобы не отказывать десяткам и сотням детишек, стоящих у двери.

Но зато есть в Новосибирске отрадные явления в области народного просвещения. Это, прежде всего, совершенно исключительной ценности детские мастер-

ские. В мастерских этих работает до 400 человек, из которых 250 детей обоего пола бывшие беспризорники.

Беспризорники уже давно бывшие, ибо сейчас никто из них не думает о бегстве или о каком бы то ни было приближении к прежнему образу жизни. Ребятишки давно стали оседлыми, пополнели, разрумянились, лица их расцветают свежими улыбками, и руки их приобретают великолепную ловкость в различных ремеслах, которыми они заняты.

На первом месте в мастерских стоит изготовление игрушек из папье-маше и из дерева. Это положительно талантливые игрушки, неизмеримо превосходящие то, что мы имели до сих пор в московских магазинах (Москва уже получила первую большую посылку этих прелестных, глубоко художественных, подлинно детских и чисто сделанных игрушек). Но кроме игрушек выделываются здесь элегантные изделия из кожи: чемоданы, бумажники, портфели, охотничьи, военные сумки и т. д.; прекрасно отделываются и окрашиваются меха, так что полубросовый материал превращается во вполне добротную, красивую вещь. Имеются и деревообделочные и слесарные мастерские. Хорошие мастера руководители, начиная со скульптора игрушек, все увлечены работой, как увлечены ею и выдвиженки-работницы, следящие за домом, и советские его управители и шефы. Действительно высоко отрадное дело, и при этом дело большое, которому несомненно суждено расти.

К этим беглым впечатлениям от Новосибирска прибавлю еще, что я был в нем как-раз во время празднования одиннадцатой годовщины ГПУ и видел радостный и торжественный праздник, состоявшийся по этому

поводу в великолепном зале новосибирского Дворца Труда. Какая чудесная, здоровая, умная и полная уверенности в своем деле молодежь наполняла зал в этот вечер! Особенно, пожалуй, поразило меня такое огромное количество молодежи. Правда, 11 лет—не старость; но все-таки как много воспитало ГПУ этих стройных красных командиров, таких выдержанных, корректных и вместе с тем так необыкновенно демократичных, что под элегантной военной формой так и чувствуются рабочая или крестьянская грудь и плечи!

Сибирь богата крупными краеведческими музеями. Первоклассные музеи имеются в Иркутске и Красноярске. Новая столица Сибири тоже деятельно развертывает свой краеведческий музей.

Я видел его 5 лет тому назад. Он был еще в зачаточном состоянии и ютился в ничтожном помещении. Недавно ему отвели нижний этаж большого дома на главной улице. Часть зал уже совершенно устроена, а часть находится в периоде окончательного устройства. В скором времени в распоряжение музея перейдет и верхний этаж и тогда он развернется вполне удовлетворительно.

Музей экспонирует свои коллекции под углом зрения изучения производительных сил края.

Большое место занимают геолого-минералогические коллекции.

Сибирь, повидимому, несметно богата полезными ископаемыми. Человечеству далеко не все еще известно. Но уже сейчас мы знаем залежи цинка, свинца в Кузбассе, богатые медные руды на Риддере, одни из лучших в мире залежи слюды на Байкале, обильный асбест и, наконец, гигантские запасы угля. К этому надо прибавить золото, руды и россыпи которого на-

Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края
№ 11-309077 Н

ходятся в разных местах Сибири: на Лене (Бодайбо), на том же Риддере и т. д.

Все это очень обильно и очень толково представлено вместе со всевозможными другими породами в коллекциях музея.

Интересным приемом экспонирования является, например, карта течения Оби на несколько сот километров в обе стороны от Новосибирска с отмеченными на ней залежами пород, представленных тут же в длинной витрине подлинными образцами.

Имеется также в подвале музея кусочек типично оборудованной шахты.

Под тем же углом зрения полезного использования взяты и несколько менее богатые коллекции растений.

Домашние животные будут, повидимому, экспонированы в еще не готовом сейчас сельскохозяйственном отделе, пока же выставлены очень хорошие серии вредителей и всякого пушного зверья, равным образом превосходная коллекция птиц края. Жаль, что менее богато представлены рыбы, так как рыбный промысел имеет в Сибири большое значение.

Имеется порядочная, но еще, конечно, далеко не законченная этномологическая коллекция.

Что же касается этнографического отдела, то он положительно очень интересен, даже и после знакомства с такими ослепительными по богатству коллекциями, какие имеет по северу Ленинградский Этнографический музей.

Тут, в Новосибирске, есть и замечательная группа гордых и изящных монгольских костюмов, представляющих собою отражение китайской классики. Халат вельможи настолько великолепен и своеобразен, что, как мне кажется, может итти в сравнение с лучшими подоб-

ными образцами Китая. Тут и дающее полное представление о действительности изображение внутренности жилья алтайских полукочевников с их характерной пищей, способом ее изготовления, с их „кроватным деревом“, их одеждами, игрушками и т. д.

Игрушки алтайцев и самоедов несомненно заслуживают внимания. Замечательна материнская заботливость, которая в них вложена.

Имеется вся обстановка избы кержака,— давным давно бежавшего из Европейской России упорного старовера, глубоко осибирившегося и приобретшего своеобразный бытовой уклад, в котором, однако, ярко живут отзвуки народного художества XVII века.

Трудно оторвать глаза от элегантных тунгусов с их тончайшей, изысканной по своей орнаментике и по своим формам одежде. Разные породы самоедов выглядят, действительно, как совершенно различные животные породы, благодаря самым неожиданным покроям своих шуб, головных уборов, пим и т. д. Воочию показано, как простым ножом из различных шкур мастерит в полутемном чуме самоедка свои несравненные мозаики из шкур. Представлено несколько типов шаманов, из которых один, более южно-сибирский, носит необыкновенной пышности костюм, с какой-то странной мантией, падающей с самой головы, и является обладателем всех атрибутов самого сложного и высокого шаманства: орлиных перьев, заколдованных стрел, множества разновидностей разных блесток и погремушек, огромного изукрашенного щита, бубна и т. д. Это шаман, представляющий собою расцвет, кульминацию странной религии, которая среди народов очень примитивной культуры развернула такую еще неисследованную, загадочно сложную религиозную психологию,

такое неисчерпаемое мифотворчество и такой потрясающе экстатический ритуал.

Невольно припоминаю, как один ойратский товарищ не без удовольствия говорил мне: „Вот вам движение культуры вперед. С тех пор как ойратов не принуждают обращаться за требами к священникам, они отошли к своим исконным, нисколько непоколебленным шаманским верованиям. И что же вы думаете, — есть немало таких священников, которые ждут-ждут, что к ним обратятся за православным колдовством,—ждут-ждут, не дождутся, берутся за бубен и учатся колдовать по-шамански. Скорей получишь продовольствие от населения".

Воображаю, в какой ужас должен притти, так называемый, культурный христианин от поглощения „величайшей религии мира" самым темным язычеством! А я никак не могу отказаться от мысли, что шаман гораздо поэтичнее, гораздо мощнее, гораздо глубже на самом деле, чем этот самый наш христианнейший попик. Но, конечно, дело не в том, чтобы выбирать между попом и шаманом. И мы знаем, как даже в наиболее отсталых частях нашего Союза постепенно отходят в вечность и тот, и другой.

Любопытен также остяк в красном кумачевом плаще, который каждый глава семьи обязан надевать на себя, когда он поднимается на чердак, чтобы пригласить оттуда своих домашних богов. Ведь обиходное общение с богами довольно широко: то надо их чайком попоить, то передать им какую-нибудь просьбу, засунув им за пазуху заранее заготовленное маленькое металлическое изображение той дичи или рыбы, о которой вы у них собираетесь просить. Без этого „красного мундира" или, если хотите, „ризы" (разницы тут нет, ибо и хри-

стианские ризы-фелонь — мундир царедворцев византийских императоров) с богами иметь дело непристойно и опасно.

Среди богов нельзя не отметить металлические маленькие божества тунгусов: олень или гагара иногда сделаны с парадоксальной простотой и вместе с тем максимальной выразительностью. Интересны и крестообразные деревянные лесные идолы тунгусов. В сущности,

Игрушечная мастерская. Рабочие — бывшие беспризорники

это просто кол, вбитый в землю. Крестообразная перекладина обозначает руки и придает главнейшее подобие человека (одно из происхождений столь широко распространенного креста вообще). Замечательны лица этих идолов: тяпнул ножом—рот, тяпнул в другорядь—нос, ковырнул пару раз — глаза. И между тем, этот осиновый бог глядит странно, жутковато.

А то еще шорские божки: они связаны по двое, — в сущности, это маленькие мешочки, набитые чем-то;

у каждого сделано по два глаза с несколько совиным выражением. От этих бесформенных парных божков совершенно невыносимо смердит гнилым салом, которым они пропахли от многочисленных принесенных им жертв.

Весь музей полон щебетанием молодых голосов. Школьники здесь — постоянные посетители. Птенцы эти с открытыми ртами окружили старенького мохнатого учителя, который внушительно повествует им о разных сортах хлебных злаков и о севообороте. А в другом месте маленький мальчик теребит за рукав свою мать и кричит ей в восхищении: „Мама, мама, ты посмотри только, какая у этого суслика большая квартира!“

Большая квартира теперь и у музея: мне показывают лекционную залу, где в углу сложен последней конструкции эпидиоскоп, недавно привезенный карской экспедицией, показывают просторный, светлый рабочий кабинет-мастерскую („если бы вы только видели, где мы раньше ютились!“). Показывают библиотеку в 50.000 томов, недавно полученную из Москвы и Барнаула. „Растем, растем!“... и на лицах всех этих ученых-специалистов и членов общества изучения природных производительных сил сибирского края расплывается широкая и радостная улыбка.

Да, растем, растем.

Прямо из музея мы едем на знаменитый новосибирский мыловаренный завод. Завод поистине замечательный. Он постепенно вытесняет кустарное мыловарение и стремится доставить всем сибирякам, желающим мыть и мыться, так называемое, ядровое и туалетное мыло. Завод выпускает свое мыло в количестве 12.000 тонн в год. Ежедневными порциями, прямо со

штампа, прямо с упаковки мыло укладывают в ящики, набивают ими вагоны и посылают в сибирское хозяйство. Мыла нехватает. Сибирь глотает мыло, облизывается и просит еще. Завод мог бы дать 18.100 т.—но не тут-то было! Дело в том, что животное сало входит в производство мыловаренного завода только на 10%. Сейчас невыгодно делать мыло из сала, его де-

Одна из мастерских механизированного мыловаренного завода в Новосибирске. А. В. Луначарский (×)

лают из растительных масел. И тут—первое странное обстоятельство. Главное из этих масел — подсолнечное, привозится сюда очень издалека; откуда бы вы думали?—Из Кубани. Не подумайте, однако, что в Сибири нет своего подсолнуха. Он есть. Но вместо того, чтобы еще расширить подсолнечные плантации и обеспечить мылзавод своим сырьем, подсолнух из Сибири

вывозят в европейскую часть Союза, так как в Сибири негде отжать из него масло. Маленькое недоразумение: сибирский подсолнух едет 5.000 верст на запад, а кубанский, в виде масла, 5.000 верст на восток, в Новосибирск.

Новосибирский мыловаренный завод великолепно механизирован. Рабочие проделывают только очень частичные манипуляции. Все сырье автоматически поступает куда надо, растворяется, смешивается, выпаривается, конденсируется, охлаждается, подсушивается, выходит в виде маслянистых плит вкусного вида приблизительно в квадратный метр величиной, режется на бруски и на куски, штампуется, укладывается и забивается в ящики и торжественно спускается в ожидающий на ветке вагон.

А попутно из отбросов, из щелоков, путем довольно простой комбинации вакуум-машин и несложных химических процессов, вырабатывается превосходный, густой, красноватого цвета, но вполне пригодный для промышленных надобностей, глицерин.

Но Сибирь умывается не только этим маслянистым ядровым мылом. Завод готовит для нее чуть не 30 сортов разнообразных туалетных мыл, пахучих, элегантных по форме и, к неудовольствию директора, заворачиваемых в нарядные бумажки с изображением долгогривых и декольтированных красавиц.

„Ведь вот, подите же, тов. Луначарский“,— говорит мне директор, рабочий-выдвиженец и бывший партизан: „Платит обыватель вот за эту саму бумажку 3 копейки. Соответственно помножьте на число кусков — это же сумма! Ведь он его принесет домой, развернет, бумажку с этой самой красавицей бросит. А дайте ему голое мыло или в белой опрятной бумажке — не возьмет“.—

Да, дорогой товарищ, отвечаю ему: такова сила эстетических потребностей, и такова эстетика обывателя". Однако, директору очень хочется завертывать свое мыло в разноцветные и прозрачные пленочки из целлулозы, которые будут у нас выделывать наши запроектированные заводы искусственного шелка.

На заводе вообще весело, светло, механично и почти нет неприятных запахов. Особенно весело там, где многочисленные работницы приводят в окончательный порядок и с фокуснической быстротой завертывают не лишенные изящества разноцветные куски туалетного мыла.

„Ведь мы ввели у себя семичасовой рабочий день,— говорит мне директор: — производство не понизилось ничуть, заработная плата тоже. Они — он кивает головой на работниц,— и в 7 часов попрежнему вырабатывают норму, да еще 40 — 42% приработка".

„И больше прирабатываем"!—с лукавой и хвастливой усмешкой вставляет одна работница.

„Тс! — говорю я ей:—что вы расхвастались,—директор услышит да и увеличит норму". — Смеются.

На тот же мыловаренный завод поступает драгоценнейшее, еще не вполне разгаданное в своих индустриальных возможностях пихтовое масло.

Если отрубить пихте лапу, то очень легко насосать из нее прозрачного и пахучего масла. Состав его сложен и поддается разнообразной химической обработке. В жидком виде он не находит сбыта за дальностью расстояния, но уже выработаны из него борнеол и изоборнеол, которые, при действии на них азотной кислотой, дают ценную камфару. Инженер Жарков, талантливый ученик и русской и немецкой науки, наткнулся на возможность обходиться без дорогой азотной кислоты:

он начал добиваться выделения камфары каталитическим способом, под действием размельченного никеля.

Тут по веселому фону этого бойкого, молодого и какого-то счастливого завода проходит сумрачная тень. Недавно талантливый инженер Жарков покончил свою жизнь самоубийством. Уверяют, что здесь не было никаких общественных причин. Человек запутался в каком-то сложном личном романе. Пусть уже лучше так. Страшны и горестны изредка случающиеся факты гибели талантливых специалистов на почве хозяйственных недоразумений. Ржавчина спецеедства, я должен признаться в этом, кое-где чувствуется и в Сибири.

Но в общем, несмотря на жалобы рабочих, что клуб их (на который я тоже бросил взгляд) слишком тесный, я покинул новосибирский мыловаренный завод с хорошей улыбкой. Ведь и жалуясь на клуб, председатель фабзавкома сам хорошо улыбался и говорил: „Завод растет, рабочие растут; культуры, знаете, нужно побольше,—но легче построить при таком заводе клуб, чем строить завод при клубе!“

АЛТАЙ

Объезд Сибири решено разделить на три большие группы: поездка на Алтай, в Барнаульский и Рубцовский округа, местность самая густо-крестьянская; поездка в Кузбасс к горнякам и поездка в Иркутск с остановками по дороге в Красноярске и большом железнодорожном узле — Тайге.

Алтай — край особенный. Это сибирская степь, безлесная, маловодная, но тем не менее плодородная и дающая огромное количество пшеницы. В этом году урожай на Алтае хороший. Сибирская хлебозаготовка в значительной степени опирается именно на этот угол края.

Крестьянство там зажиточное и, конечно, со значительным процентом кулаков.

Кроме самих городов Барнаула и Рубцовска решено заехать еще в большие хлебные села — Шипуново и Алейское.

У Алтая есть свои собственные интересы и свои надежды. Правда, как и вся Сибирь, и Кузбасс в особенности, Алтай заинтересован в постройке гигантского Тельбесского завода, — ведь это все-таки его завод; но еще больше интересуется он Туркестанско-Сибирской железной дорогой. Как раз здешний, алтайский хлеб должен волною хлынуть по этой дороге в Туркестан, чтобы дать возможность декханам вернуть свою драгоценнейшую землю к тому назначению, которое ей присуще — к массовому хлопководству.

Но мало этого, Алтай не хочет развиваться только как хлебная житница. Алтаю хочется индустриализироваться. Он крепко подумывает о том, чтобы где-нибудь, как можно ближе к нему, а если возможно, то прямо у него, построен был бы большой сельмаш. Алейское радуется, что уже решено строить сахарный завод около этого села и вокруг разбить большие плантации сквекловицы.

Четыре отчета правительства, которые я здесь сделал, всюду, во всех селах были приняты с сосредоточенным вниманием.

Крестьяне расценивают каждое слово, можно сказать, на вес золота, в каждом видят известное указание относительно того хода вещей, с которым придется им считаться в ведении собственного хозяйства. В общем курс на точное разграничение кулачества и середнячества, на поддержку культурного крестьянского трудового хозяйства принимается с величайшим удовольствием.

Я никогда не предполагал, что социалистическая мысль запала уже так глубоко в такие места, которые ведь принято обычно называть „медвежьими углами". Напряженно думают крестьяне над колхозным делом, но не только думают, а примериваются и так и эдак, и, наконец, не только примериваются, но даже и вступают уже в колхозы, а потом и с радостью и с горечью обсуждают плюсы и минусы, неожиданно хорошие результаты и вместе с тем неожиданно грозные трудности.

Почти все собрания — сплошь крестьянские. Середняки, бедняки и батраки, женщины и почти дети — прекрасно знают наши термины и их значение, прекрасно отдают себе отчет в том, к чему зовет их советское пра-

вительство. Конечно, в общем левое, неожиданно коллективистическое настроение моих слушателей объясняется в значительной мере тем, что это были предвыборные собрания, на которые кулаки отнюдь не допускались.

Остановлюсь на отдельных любопытных типах. Вот, например, крестьянин Ю. — высокий человек, белокурый, с подстриженными усами, в очень хорошей шубе,

На снимке (слева направо): тов. Рещиков - секретарь Сибкрайисполкома; тов. А. В. Луначарский; тов. Токарев—предисполкома Барнаульского округа

с большой солидностью в жестах и весом в голосе. Кто это такой? — Очень крупный середняк, по зажиточности смахивает на кулака. Однако, никакой эксплоатацией и спекуляцией не занимается, а просто по мозговитости своей, имея большую, здоровую семью, развернул великолепное трудовое хозяйство. Более мелкие крестьяне середняки да бедняки относятся

к Ю. с уважением — когда он говорит, они буквально смотрят ему в рот. Сначала он очень четко и точно резюмирует ту часть моего доклада, которая говорит о необходимости помогать культурному крестьянскому хозяйству, а затем начинает проводить свои собственные интересные мысли: „Вот вы говорите, тов. Луначарский, что правительству неприятно дробление крестьянского хозяйства. Чего уж хуже! Но правительство само сделало промашку с налогом. Спросите, кого хотите, правду ли говорю. Не принимается в достаточной мере во внимание количество едоков. Вот и выходит так: семья в 15 человек, хозяйство крепкое, товарное, хлеба много, — обложение выходит сильное. Кто же себе враг? Большого налога платить не хотят, возьмут да и разделятся на 2-3 двора. Получаются бедняцкие хозяйства, налога почти совсем не платят. Количество товарного хлеба убывает. Государству убытки, двор разорен. В бытовом отношении тоже разруха идет. Надо ли это? Если хотите поддержать крепкий двор, то уже поддерживайте. А крепкий двор, хотя он и на семейном начале построен, а все-таки и сам вроде колхоза, по крайней мере, в смысле инвентаря; в таком хозяйстве можно и машину пустить в ход“.

Кроме того, с очень дельным замечанием обращается крестянин Ю. к окружающим, произнося такую, весьма интересную тираду: „Не нравится мне у наших крестьян, середняков и бедняков, одно: мало среди них людей подвижных. Вот тов. Луначарский сказал слово „стимул“, я раньше не слыхал его, но теперь, кажется, понял — желание, значит, итти вперед, развернуться. Стимула подлинно мало. Сколько встречается таких бедняков, которые так и заявляют: „Ну, что ж, что я бедняк, — хлеба на себя и семью хватит, зато мне

налога не платить, ни о чем не думать. Работа дураков любит". Ежели так будем рассуждать, то уж, конечно, Европу никогда не нагоним. Там каждый стремится сделать из себя человека покрепче. Нет, ты мозгами раскинь и горбом поработай. Постарайся сам выдвинуться и детей своих выдвинуть, тогда, значит, ты и гражданин. Государству нужен хлеб, ты ему поможешь. Конечно, в Европах стараются выскочить в эксплоататоры и поехать потом на чужой спине. У нас этого нельзя. А разве, работая своим трудом, своей семьей, как это дозволено, нельзя устроить себе все лучшей жизни? Это не только не воспрещается, а поощряется, и путь тут длинный, но честный. Лежебока никогда нельзя похвалить, будь он середняк, будь он бедняк или хотя бы и рабочий".

Переходя к колхозам, крестьянин Ю. развернул очень своеобразную идею: „Колхозы — вещь хорошая. Но вот что останавливает мысль. Найдутся ли хорошие руководители? Дело большое, хозяйство сложное, да еще хозяев много. Это много труднее, чем если хозяин один. Руководитель должен быть человек умелый и хозяин, и чтобы рука была крепкая, и ладить бы умел. Найдутся ли всюду такие люди? Не пойдут ли разногласия? Много хозяев — много голов; много голов — много умов. Я прихожу к такой мысли: может быть, лучше государству приналечь на совхозы,— и даже так: крестьяне, по моему, охотно свои земли отдадут. Пусть, сложив крестьянские поля, устроят большое предприятие; но пусть управляется оно не как колхоз, а как совхоз, государством, а крестьяне будут работать просто как рабочие, будут получать от государства жалованье, может быть, с принятием во внимание того, кто сколько внес инвентаря,— вроде как бы паевое вознагражде-

ние за взнос. Управляюший—от государства, агрономы—тоже, вся прибыль — государству".

В своем ответе крестьянину Ю. я похвалил его за проявляемую им активность и за его призыв к „стимулу", но указал также, что неверие в то, что крестьянская масса сумеет справиться с колхозным строительством и инстинктивная потребность поскорее попасть под руководство государственных чиновников, самому ни о чем не думать, а только получать жалованье и пай, есть как раз признак той пассивности которую самодержавие развило в нашем народе. Советская власть ведет к законченным формам социализма, но социализм зиждется на проявлении величайшей активности, величайшей самодеятельности самого населения и его нельзя смешивать с каким-то государственным капитализмом. Совхозы—дело превосходное, но и колхозы дело необходимое, и то, и другое может развиваться рядом, помогая друг другу.

А вот совсем другой тип. Как раз в то время, как крестьянин Ю. ведет свои размеренные, осторожные и умные речи, какой-то мужичонко с косматой бородой рьяно рвется говорить, несколько раз вскакивает, показывает на себя председателю, обращается с протестующим шопотом к окружающим и, наконец, получает голос. Стремительно вскочив со своей скамьи, он заявляет: „Должен я доложить представителю правительства, что крестьяне советской властью очень недовольны, горько недовольны крестьяне. А почему? Потому что развод дорого стоит. Ежели, например, доведется развестись раза три, то прямо зарез. Знаю я одного крестьянина, развелся он и, примечайте, в третий раз, бедняга, развелся. Поехал в Рубцовск, нанял защитника. Защитник 25 рублей взял и гово-

рит: „как-нибудь отстою тебя, елементы платить не будешь“. Вдруг суд присудил елементы. Крестьянин к защитнику — отдай 25 р. Не отдает. „За что ж ты взял? Бога не боишься“! — „За защиту“. — „Как же ты меня защитил, ежели суд присудил с меня“? — „Как мог защищал, значит, не вышло“. — „Ну, так деньги отдай“. Канителился-канителился — денег так и не получил. Очень недовольны крестьяне советской властью“.

Собрание разражается хохотом, кое-кто иронически аплодирует. Сейчас же в другом конце зала встает худенькая женщина с очень милым и усталым лицом и спокойно, не волнуясь, говорит: „Не знаю уж, советская власть до того ли довела или сами такие стали, только действительно от разводов худо. Живет, например, крестьянин с женою, жена у него хорошая, дети хорошие. Вдруг, значит, он развелся и хочет жениться на более развитой, на комсомолке. А жене, конечно, где же развиться? И отсылает он жену и детей ни в чем неповинных, а сам женится. Говорят, должен помогать жене и детям, да из этого редко что выходит. Вот хотя бы тот, что сейчас говорил, знаю я его хорошо. Жена у него с ребенком живет в Рубцовке. Сам он барином живет, 80 руб. в месяц проживает, а жена с ребенком голодают. Сама недавно их видела, голодают, слезами обливаются“.

Мужичонко с всклокоченной бородой проявляет беспокойство, намерен протестовать, но соседи его усаживают. Дебаты принимают довольно страстный характер. Пожилая, полная женщина, взяв слово, заявляет: „Правду сказала, которая говорила, женщине развиться трудно. Вот хотя бы взять жену коммуниста. Иной коммунист — партейный человек, а требует — и квартиру убери, и обед

свари, и с ребенком сиди, и порты ему мой. Свету божьего не видишь. И не только не подумает свою жену как-нибудь развить, а еще сердится и ругается, ежели станешь ему говорить — и я-де свету хочу".

Другая женщина отвечает ей: „Про коммунистов предыдущий оратор — напрасно. Может быть, и бывают такие некоторые, но в общем партийные стараются, чтобы жены их тоже участвовали в движении. Но, правда, настоящего продвижения нам, женщинам, еще нет. Что-то все смешки, насмешки. А что тут такого смешного, ежели женщина хочет человеком быть и участвовать в советских делах"?

Худой, несколько чахоточного вида человек с длинными усами, несколько нудно и длинно рассказывает про врачей, что они недостаточно внимательны, что они недостаточно знающие, что они прописывают не те рецепты и т. д., но потом внезапно с большим подъемом переходит на совсем другую тему: „И вот я, как честный гражданин, хочу сказать немножко и про женщин. Так, например, которые комсомольцы есть такие, что норовят больше попьянствовать, да в картишки, да всякая гульба, вместо того, чтобы жить, как следует комсомольцу. И вот жена молодая выговаривает ему: „Ты, говорит, меня должен просвещать, а сам пьянствуешь, стыдно на тебя смотреть". И начинает он ее просвещать и в грудь, и в бок, под глаз фонарь поставит. И чтобы не сказали, что я вру, я этого комсомольца назову и фамилия ему Е.".

А вот слепой батрак, — совсем слепой. Я не знаю, как он может работать и кто нанимает его на работу. Но свою слепоту он в значительной степени, вероятно, заменяет остротой своего ума. Он украинец и говорит на почти чистом украинском языке. Он дает пример самой

разнообразной и довольно ядовитой самокритики, перечисляет множество всяких явлений от крупных — жалоба на то, что кулаки бойкотируют некоторых передовых батраков и этим батракам никто не помогает, так что они впали в полную бедность,—и до мельчайших, вроде неудачного рытья колодца или какой-то мелкой растраты в кооперативной лавочке. Очень жалуется батрак на администрацию: „Администрация у нас очень самолюбива“,—заявляет он, — „как вышел в начальство, сейчас же загородится. А хорошо ли работают? Не всегда хорошо работают“. Следуют разные примеры. Кончает свою речь слепой батрак такими словами: „Вот вы, тов. Луначарский, и расскажите там, в центре, как тут у нас работают, — и то сказать, мы не знаемо, як там у вас, у центре, — може тэ самое“. Батрак с иронической улыбкой, разводя руками, садится при общем добродушном смехе.

Прислушиваясь к тому, что говорят по поводу этих вопросов морали и быта, невольно замечаешь особенное отношение к партийцам. Довольно часто крестьяне отмечают, что тот или другой коммунист в своей семейной жизни или личном поведении не стоит на высоте. Но очень характерно и полно глубоким уважением к партии то, чем обычно завершают такие жалобы: „А он партеец, а партеец должен нам пример показывать. Что же, если партеец так живет, так чего с нас требовать“?

Конечно, эти вопросы имеют свою важность, но они не так социально значительны, как раздающиеся кое-где протесты уже более серьезные: „Колхозы—дело хорошее,—разговаривают крестьяне,—но трудное, браться за него надо умеючи. Многие сомневаются: очень новое дело. А тут вдруг живет себе коммунист и хозяйство

у него не плохенькое. А спрашиваешь: что же ты, мол, товарищ, в колхоз-то не идешь, тебе бы в первую голову, пример показать? А он ухмыляется: нет, говорит, я погожу, мне и так хорошо. От этого смущение среди крестьян".

Действительно, для деревенских наших коммунистов, занимающихся хозяйством, пришла пора испытания. Здесь никоим образом нельзя отделываться какими бы то ни было фразами. Тут, поистине, назвался груздем — полезай в кузов. Назвался коммунистом, занимаешься сельским хозяйством, — показывай пример, как надо строить колхозы, как надо в колхозах жить. Нет никакого сомнения, что если деревенские коммунисты не проявят здесь значительной активности, не покажут примера, они не только не смогут сыграть в колхозном движении положительной роли, но прямо-таки сыграют отрицательную.

Много любопытного видел и слышал я в этом странном, в одно и то же время захолустном и каком-то необычайно живом и крепком Алтае. Не могу, однако, не упомянуть о состоянии одной из его столиц.

Степной Алтай делится на два округа: Барнаульский, имеющий своей столицей, правда, сильно пострадавший от пожара в 1917 г., но в значительной мере снова отстроившийся и как никак старый город Барнаул,— и Рубцовский округ. Столица этого округа, еще более богатого пшеницей, чем Барнаульский — бывшее село Рубцовка, ныне — город Рубцовск, представляет собою нечто совершенно убогое. Клуб — да и то не свой, а железнодорожный, — довольно тесный и совершенно холодный сарай. Других мест для собраний нет, кроме кино-театра, представляющего собой какую-то мазанку, покосившуюся и уродливую.

Во всем селе, превращенном в окружной город, есть только 2—3 каменных здания, частная аптека, кооперативный магазин да строящийся еще почтамт. Школа находится в чрезвычайно убогом положении. Строить вообще не из чего — бюджет, при огромном богатстве округа, очень невелик. Мечтают о том, чтобы перенести из Змеиногорска подтехникум и поднять таким образом Рубцовск как интеллектуально - культурный центр. Я считал бы очень важным, чтобы и Сибкрай и Наркомпрос помогли построить в Рубцовске, в котором уже больше 20.000 жителей, приличное здание для этого подтехникума, которому, конечно, место именно здесь, а не в постепенно отходящем на второй план уездном городишке Змеиногорске. Вообще надо бы ведомствам притти, по примеру Почтеля, на помощь Рубцовску и сделать из него нечто действительно похожее на город.

Отмечу еще необычайно высокое качество ума, политического такта, организаторских умений у здешней местной власти. Товарищи председатели окрисполкомов Барнаула и Рубцовска, оба рабочие-выдвиженцы, крайне порадовали меня великолепным знанием своего края, ясным умом и твердой волей, той большой выносливостью, с которой они в этих глухих углах ведут свою многозначительную и плодотворную, но внешне столь неблагодарную работу. Не меньшее впечатление произвел на меня и рабочий-выдвиженец, являющийся сейчас председателем районного исполкома в богатейшем селе Алейском, человек вдумчивый, выписывающий журналы, читающий много книг, умеющий придать своим речам, которые он говорит понятным для крестьян языком, значительный размах мысли и оригинальность аргументации.

Зато, говорят, в остальном персонале бывает очень часто много пробелов. Приходится замещать различные посты не совсем подходящими людьми.

На одном собрании высокий крестьянин с суровым лицом сделал такое заявление: „Советской властью мы довольны. Много хорошего от нее видим. Только не нужно сапожника назначать пирожником. А то часто назначают человека, который, может быть, и хочет добра, да дела не знает". И это заявление, к сожалению, верно. Людей на весь этот обширный край не хватает. Т. е. хватает на то, чтобы создать крепкую, очень крепкую головку, но аппарат отстает и ошибки, перебои этого аппарата часто учитываются населением, как недостатки самой советской власти.

ЩЕГЛОВСК-КЕМЕРОВО (Кузбасс)

Кузбасс, Кузнецкий угольный бассейн — сокровище Сибири. Он представляет собою огромный пласт угля, мощность которого, в сущности, почти совсем не исследована. Возможно, что она превышает те размеры, в которых нам представляется. Но уже и в этих размерах кузбасские угольные залежи являются одними из самых больших среди всех известных пластов мира и могут конкурировать с основными английскими угольными запасами. Кое-где пласт выходит совсем на поверхность и его можно разрабатывать не путем шахт, а путем прямых галлерей, которые вырываются в горе прямо с железно-дорожных подъездных путей; кроме того пласт благородного угля местами достигает 100 метров, т.-е. является поистине чудовищным. Запасы угля здесь можно считать неисчерпаемыми. Общее количество угля предполагается в 450 млрд. тонн; наконец, местами уголь этот принадлежит к числу высоких коксующихся сортов и может быть рассматриваем не только как известный энергетический запас, но и как основное подспорье добычи у нас черного металла. Отсюда и возникновение огромного плана гигантского металлургического завода в Тельбессе.

Сибиряки очень недовольны тем, что вопрос о Тельбесском заводе задерживается. Однако, естественно проявить осторожность в расходе, который выразится приблизительно в 170 млн. руб. Дело в том, что после целого ряда проверок с участием специалистов и европейских выдающихся экспертов пришлось при-

знаться, что совершенно точно выясненное количество железной руды в Тельбессе не так уж велико. При выработке чугуна до 600 тысяч тонн в год этого запаса могло бы хватить на какие-нибудь 12—14 лет. Зато привлекательно неисчерпаемое количество коксующегося угля тут же рядом.

Повидимому, правильное разрешение вопрос находит при совокупном рассмотрении его с магнитогорской проблемой.

Магнитная гора на Урале представляет собою гигантский запас руды, но, как известно, уральский уголь еще находится на этапе разведки и только начинает играть некоторую роль в уральской промышленности. Магнитогорскому гиганту, построение которого уже предрешено, придется все равно в течение долгого срока (даже если угля на Урале окажется больше, чем предполагают) тащить к себе либо уголь для коксования, либо самый кокс из Кузбасса. В обоих случаях будет возвращаться в Сибирь весьма серьезный порожняк. Расстояние в 2500 верст, конечно, огромное, но при точном учете оказывается, что Сибири выгодно иметь свой собственный чугун даже в том случае, если Тельбесс будет итти отчасти на своей руде и частью на руде магнитогорской. Представьте себе этот грандиозный комбинат — Магнитогорский завод, вырабатывающий добрых полмиллиона тонн чугуна в год из своей руды и кузнецкого кокса, и Тельбесс, вырабатывающий столько же из уральской руды и кузнецкого кокса!

Конечно, вопрос нужно подробно изучить, но, повидимому, удовлетворительное разрешение его намечено. Надо сказать, что по всей Сибири, не только в угольных ее местах, но буквально повсюду, население жаждет как можно скорее видеть воздвигнутыми стены Тель-

бесского чугунного завода и всего бесценного комбината, который должен возникнуть (там есть и цветные металлы, в особенности цинк). Этим самым создастся железно-пламенное сердце всей постепенно вырастающей индустрии Сибири.

Первым пунктом Кузбасса, который я посетил, был город Щегловск, всего тысяч в 25 жителей; однако,

Ученица фабрично-заводской семилетки в Щегловске

в нем заметно довольно значительное новое строительство. Это объясняется тем, что Щегловск заключает в себе большой химический завод (точнее, завод коксобензольный), а по другую сторону речки расположены довольно богатые Кемеровские копи, которые доставляют основной уголь для завода. Правда, завод может итти только на комбинированном угле: к кемеровскому углю надо прибавлять еще уголь из других рудников того же

Кузбасса — Ленинского и Прокопьевского. В общем городок скудный, носящий еще все черты провинциальной дыры; но, повторяю, кое в чем уже сказывается громадный рост кузнецкой угольной промышленности.

Так, например, здесь я видел школу, какой давно уже не видел в пределах нашего Союза.

Это фабрично-заводская семилетка, построенная из дикого камня, очень просторная и светлая. Она имеет значительное количество классов с большими окнами американского типа, с образцовыми столами и стульями вместо надоевших и отвратительных парт. Классы эти не отнесены к какой-нибудь определенной группе учеников, а оборудованы для соответственных предметов, т.-е. строго проведена система кабинетов. Иные из этих кабинетов (например, физический) оборудованы вполне удовлетворительно, другие приближаются к этому удовлетворительному оборудованию. Школа располагает громадным гимнастическим залом, который может служить для всякого рода лекций, для спектаклей и т. п. Школа (вот счастливые-то ребята!) работает в одну смену и дети, таким образом, не подвергаются тому недопустимому, возмутительному систематическому отравлению, которому мы их подвергаем, благодаря нашей нищете во всех почти школьных зданиях. Поэтому и дети тут веселее, розовее, ярче блестят их глаза и как-то ярче и веселее их речи. Детишки горняков и рабочих химического завода очаровали меня своей непосредственностью и живостью. В течение нескольких минут они сумели приветствовать меня и по политической, и по культурной линии, и рассказать мне о кабинетной системе, о коллективных заданиях, которые они разрешают, о многочисленных кружках, которые у них возникли, и т. д.

Единственно, что меня несколько огорчило, это то, что школа, несмотря на свое название фабрично-заводской, в сущности, очень плохо связана с заводом. Ссылаясь на срочность своих производственных заданий, на тесноту и всякие другие условия, завод, как это впрочем обыкновенно делают хозяйственники, всячески отстраняет от себя свою семилетку и не только не дает ей возможности систематически опереться на свое оборудование, но даже недружелюбно смотрит на какую-нибудь научную экскурсию на завод. Настоящего понимания у всей толщи хозяйственников глубочайшей необходимости подтягивать к себе фабрично-заводскую симилетку, сделать такую школу, так сказать, своим маленьким подмастерьем — еще нет.

Другим интересным созданием нового времени в Щегловске является Дворец культуры. Это прекрасное здание с внешней стороны, так сказать, новосибирского типа, т.-е. такой же, м. б. несколько уменьшенный в своих размерах, американский дом. Его фасад гармоничен, он имеет интересную башню и выглядит нарядно и солидно. Внутри у него есть роскошный зал на 1500 человек, фойе, кабинеты для занятий и. т. д.

Самую, однако, диковинную и вместе с тем веселую ноту в Щегловск вносит завод. Когда вы едете туда, то вдруг, неожиданно, выезжая из за какого-то холма, вы видите перед собой незабываемую картину. Перед вами вырастают мощные контуры заводской башни, укрепленной циклопическими стальными фермами и раззевающей на большой высоте свою черную пасть. К этой пасти на расстоянии, как мне кажется, добрых трех километров тянется с противоположного гористого берега реки воздушная дорога, по которой непрерывно, на равном расстоянии друг от друга, весело

вырисовываясь на фоне неба, катятся вагонетки с кемеровским углем. Они опрокидывают с грохотом свое содержимое в заводскую пасть и так же равномерно, словно совершая какой-то воздушный танец, возвращаются за новой ношей. Это постоянное движение вагонеток, эта живая связь на большом расстоянии и через реку завода и копей производит веселое впечатление.

Мы внимательно осмотрели завод. Мы видели самый зрительно интересный момент, когда одна из печей батареи (здесь их две) была открыта. Огненно-угольный пирог кокса медленно выдвигался из нее, вдвигаясь в заранее приготовленный футляр в подвижном металлическом вагоне. Пирог весь в пламенно золотых прожилках, ползя, играл черным и темно-пурпуровым светом. Кокс охлаждается огромным количеством воды, наливаемой на вагон, и затем грузится уже окончательно в вагон, который повезет его куда-нибудь к Ижевскому заводу, ибо мы можем похвастаться — кокс из кузнецкого угля, изготовленный Щегловским заводом, уже полностью сравнялся с английским и заменил его на некоторых уральских заводах. Это большое послереволюционное достижение.

Специалист-инженер водит нас потом по всем кругам химического ада. Как почти всегда бывает у специалистов (из встреченных мною я не знаю ни одного исключения), этот скромный человек влюблен в свой завод. Когда он показывает нечто положительное, какое нибудь новое приспособление, говорит о каком-нибудь достижении в смысле процента выработки, в смысле большей чистоты продукта, в его голосе звучит самая неподдельная гордость, которой он, повидимому, сам не замечает. Когда, напротив, ему приходится указывать на тесноту лаборатории или на то, что изгото-

вляемый здесь кристаллизованный нафталин лежит в деревянном здании, что не безопасно в пожарном отношении, или на то, что все еще не ладится электрическая установка, которая поднимет энергетическую силу завода с одной тысячи до трех тысяч киловат, — то в голосе его слышны нотки, какие вы можете слышать в голосе отца или мужа, озабоченных здоровьем дорогих ему людей.

Во время моих частых, отдаленных поездок по нашей стране и осмотра десятков,—я думаю, в настоящее время уже сотен заводов, я очень полюбил нашего хорошего специалиста. Мне не приходилось жить с инженерами нашими в более или менее тесном соприкосновении. В Наркомпросе мне приходится, конечно, встречаться с ними, но далеко не так интимно, как хозяйственникам. Я знаю их, главным образом, по тем нервным, вдумчивым объяснениям в качестве вот таких гидов, таких чичероне, проводников по своим родным заводам или по своим постройкам. Они начинают иногда равнодушно,— кто знает, зачем приехал какой-то официальный гость, интересуется ли он производством или просто официально хочет „оказать честь“ и выполнить церемониал. Но как только такой специалист замечает, что вы захвачены производством, что вас волнуют его вопросы, сейчас же зажигаются в его глазах огоньки, речь приобретает воодушевленность, и только постоянные напоминания спутников: „да ведь все сроки прошли, ждут на собрании“, могут заставить его несколько сократить поток его технического красноречия.

Химический завод, как всегда, очень вонюч, хватает вас то за нос, то за горло, заставляет вас кашлять, чихать и в то же время бесконечно увлекает вас всеми этими изворотами своих чугунных кишек, всеми этими

огромными резервуарами, насосами, конденсаторами, промывальниками, каждый из которых производит какое-нибудь чудо преображения материи в новые ее формы.

Лаборатория завода заслуженная. Она добилась не малого количества успехов не только для данного завода, но и вообще для округа. В ней работают преданные, знающие люди. Оборудована она удовлетворительно, но действительно очень тесна и не соответствует крупности исполняемой ею задачи.

Посетил я также фабзавуч. Кажется мне несколько странным, что на этом большом ФЗУ имеются только электромашинное и слесарное отделения. Повидимому, никому не приходит в голову, что химический завод должен прежде всего иметь химическое отделение фабзавуча, которое могло бы дать заводу хорошую, крепкую молодежь для дальнейшего его развития. А развитие будет сложным, ибо химия не идет, а бежит вперед. Жаловались фабзавучники, что в то время как ремеслу их учат очень хорошо, общеобразовательные предметы хромают: так, напр., обществоведа им за один месяц переменили четыре раза. Об этом, конечно, я говорил позднее с товарищами из Сибкрайоно.

Необыкновенно веселое впечатление производит постройка новой, третьей батареи. Вы входите в огромный деревянный барак-теплушку, весь потолок которой сделан из стекла. Света много и свет какой-то своеобразный, благодаря отражению в некрашенном дереве. И среди этого барака идет живая, веселая, гремучая постройка.

Пепельно-серый, сухой, похожий на пемзу кирпич, идущий на коксовые печи, лежит грудами в больших кусках, то кубической формы, то какой-нибудь при-

чудливой, в зависимости от места, куда должен течь этот кирпич, напоминающий кубики затейливого строительного ящика для детей. Человек сто каменщиков с необыкновенным искусством точными ударами отсекают своими инструментами те или другие углы или части этих кирпичей. От этого стоит звенящий, немолчный, какой-то болтливый, даже, пожалуй, смеющийся стук во всем этом светлом, сухом здании,— и на ваших глазах растут и растут изжелта серые печи этой новой батареи.

Тут случилось несчастье. Это веселое место недавно горело. Весь барак оказался жертвой пламени. Инженер, созидавший новую батарею, прибежал на пожар и пришел в такой ужас от неожиданного бедствия, что тут же скончался от разрыва сердца. А между тем бедствие отнюдь не приостановило роста батареи. Вот уже в кратчайший срок, в несколько недель оказался возведенным второй барак и работа идет дальше, как ни в чем не бывало. Инженер говорит мне: „Вообразите, в какой короткий срок опять воссоздали все условия постройки!“. А один из каменщиков, постукивающий, словно ювелир, по своему кубику, с улыбкой и слегка подмигивая, говорит: „Сработаешь быстро, когда этот завод всем нам даст кусок хлеба“.

В Щегловске я выступил два раза: на многолюдном собрании в клубе химработников, где собрались исключительно рабочие и технический персонал, и с большим докладом на расширенном заседании горсовета в обширной и праздничной зале Дворца культуры. Здесь еще не сказались все характерные особенности рабочего горняцкого собрания, какие я отметил позднее, ибо на щегловском расширенном горсовете немало

было и представителей городских обывателей. Все же оба собрания прошли при самом приподнятом интересе, а главное из них продолжалось часов пять.

Крестьянские окрестности Щегловска представляют также значительный интерес. Во-первых, в этом году здесь такой урожай, что щегловский округ дает по хлебозаготовкам больше, чем ему причитается, и, во-вторых, здесь имеет место и очень важное явление, — именно, необыкновенно значительное превышение урожая колхозного над урожаем единоличников. По утверждению председателя окрисполкома, урожай в колхозах в этом году достиг местами 150 пудов с десятины, в то время, как урожай единоличника ни в каком случае не превышает 80 пудов с десятины. Объясняется это в особенности посевом селекционных семян.

ЛЕНИНСК-КУЗНЕЦКИЙ И ПРОКОПЬЕВО

Ленинск-Кузнецкий хотя и не является административным центром Кузбасса, но должен считаться его промышленным центром. Здесь находятся шахты, одновременно наиболее разработанные, уже механизированные, и в то же время, в отличие от кемеровских, необыкновенно богатые, далекие от исчерпания и дающие качественно высокий коксующийся уголь.

Мы решили именно здесь спуститься в одну из больших и хорошо оборудованных шахт, так называемую шахту № 5.

К этому нашему плану шахтеры отнеслись с величайшим радушием и симпатией. Нас одели в соответственную одежду из брезента, в огромные тяжелые сапоги и своеобразные кепи, приспособленные для того, чтобы туда вставлять электрические лампочки. Перед спуском фотографировали, сначала со всей массой шахтеров, потом меня с двумя старыми рабочими отдельно.

Спуск в шахту не особенно глубок, всего 40 метров, но по самой шахте мы спустились гораздо ниже, приблизительно до 70 метров. Самый спуск производится очень быстро, но в общем не представляет большой разницы со спуском в обыкновенном лифте. В шахтах нисколько не душно, приток воздуха превосходный. Вначале ходы вполне комфортабельны, они представляют собой коридор в человеческий рост, и разве только очень высокому человеку пришлось бы несколько наклонять голову, чтобы не ушибиться о крепи. С обоих сторон коридора хорошо видны

пласты метра в полтора шириной, бегущие вниз и как бы увлекающие за собой самый коридор шахты. Однако, когда мы прошли в боковые шахты, освещенные, но очень слабо, от времени до времени попадающимися электрическими лампочками, то передвижение стало гораздо менее удобным, пришлось сильно нагибаться и в согнутом виде идти по 10 — 15 минут. От времени до времени глухо раздается предостерегающий окрик коногона и с грохотом проносится поезд вагонеток с запряженной в него крупной лошадью и одним вожатым. Так как вагонетки занимают почти всю ширину коридора, то такие проходы коногона довольно опасны. Вас поспешно предупреждают, чтобы вы прижались к стене. Бывают случаи, когда между стеной коридора и стеною вагона свирепо зажимает неосторожного человека.

Мы подошли к месту, где идет конвейер. Это жолоб, состоящий из ряда отдельных сочленений, каждое из которых дергается на манер движения заступа, когда вы сбрасываете с него землю. Таким образом, уголь механически продвигается из одного сочленения жолоба на другое по покатой плоскости и, в конце концов, попадает в поджидающие его вагонетки.

Конвейер этот работает не всегда с одинаковым наполнением, порой поток угля прекращается и слышится напоминание контроля: „Конвейер голодает!“. По боковой галлерее, идущей вверх, через которую проведен конвейер, мы поднимаемся, все более и более сгибаясь, и доходим до места, где в основной конвейер вливается, как приток в реку, конвейер побочный. По нему, между прочим, катятся очень большие глыбы угля, так что приходится ставить на этом стыке человека, который следил бы за тем, чтобы большие глыбы

эти не перекидывались через край жолоба. Мы переступаем жолоб и идем уже по этому притоку для того, чтобы посмотреть на непосредственную работу кайлом.

Мы доходим до места забоя. Итти очень трудно, приходится двигаться согнувшись в три погибели, спина и поясница сильно утомляются. В утешение нам говорят, что в Донбассе приходится ползти на животе.

Тов. А. В. Луначарский (в центре) с двумя шахтерами в прозодежде перед спуском в шахты Ленинска-Кузнецкого

Видим врубовую машину, к сожалению, однако, не в непосредственном действии. Но все-таки хорошо можно понять из самого ее механизма и состояния стены, над которой она только что работала, как происходит работа.

Мы видим только механизированную часть шахты. В немеханизированной части даже этой самой шахты, а тем более в шахтах вовсе немеханизированных, работа

производится другим, совершенно варварским путем — откатчику приходится брать уголь в ящик и тащить его на себе до той артерии, где проложены рельсы и где имеются конные вагонетки. Работа такого откатчика или носильщика чрезвычайно утомительна. Конвейер является с этой точки зрения настоящим благодеянием.

Возвращаемся мы через другой подъем и по дороге осматриваем насос, который высасывает воду из шахт, и видим, с какой огромной быстротой подхватывает подъемник вагонетки, стремительно выбрасывает их наверх на высоту 65 метров и сейчас же возвращается вновь за следующими. По этому подъему людей не „качают“,— но под „людьми“ разумеются только рабочие, за всякое несчастье с которыми предприятие должно отвечать. Администрация позволяет себе свободно подниматься по этому подъемнику, не имеющему парашюта. Нам предлагают тоже подняться по нему—короче. Мы это и делаем. В шахтах очень тепло и мы выходим на 20-градусный мороз несколько вспотевшими. Однако, невозможно отказать настойчивости фотографа, который обязательно хочет заснять нас при ярком сибирском зимнем солнце после нашего путешествия к недрам земли, которое продолжалось два с половиной часа.

После небольшого отдыха и короткого обеда мы отправились в клуб Ленинска, значительно уступающий щегловскому клубу, и я выступил с отчетом правительства. Горняки Ленинска произвели на меня сильное впечатление какой-то смелостью и деловитостью своих выступлений, умением подниматься до общих вопросов своего рудника, Кузбасса, интересов развития индустрии вообще и металлургии в частности во всем крае. Много делается замечаний о местных не-

лепостях, — например, о больнице, которую все вновь ремонтируют, перестраивают, затрачивая значительные деньги, при чем никак нельзя добиться и того, почему происходит эта канитель, и того, кто виноват в вечных ошибках, возникающих на этой постройке. Впечатление от всей дискуссии и от резолюции, вынесенной в Ленинске, чрезвычайно благоприятное. Я не могу удержаться, чтобы не сказать, что вряд ли на самом передовом металлическом заводе Москвы можно было бы встретить дискуссию более пролетарски сознательную, более по-хозяйски смотрящую на все происходящее в стране.

В наш план не входило посещение Прокопьева. Я несколько сожалел об этом, потому что Прокопьево не мало привлекает к себе тем громадным будущим, которое его несомненно ждет. Здесь, собственно, имеются самые колоссальные и богатые по качеству залежи угля. Здесь когда-нибудь несомненно развернется огромный угольный центр. Но судьба захотела, чтобы я побывал в Прокопьеве,— или, вернее, захотела этого не судьба, а захотели сами прокопьевцы, которые засыпали нас просьбами по телеграфу и заявили, что за нами едет особая делегация. „Еще ни один ответственный товарищ из центра, ни один член правительства никогда не посещал Прокопьева,— писали они.— Рабочие глубоко обижаются и протестуют“. Что же делать? Мы решили потерять двое суток, но обязательно посетить прокопьевских товарищей. Нисколько не жалею об этом, так как от Прокопьева я получил самое светлое впечатление.

Уже самое расположение Прокопьева, да еще в чудесный солнечный зимний день, подкупает. Вокруг Прокопьева высятся довольно значительные живописные

по своей линии горы, в которых местами видны глубокие дыры, как бы норы каких-то гигантских крыс. Это и есть галлереи для надземной разработки угля. Надо сказать, что человеческая рука только еще поцарапала слегка эти изумительные массивы, достигающие 140 метров в толщину. Далеко еще не все при этом обследовано.

Между этими холмами и разбросано Прокопьево и примыкающие к нему, почти слившиеся с ним, села и деревни. Несмотря на то, что поселок этот далеко заброшен и что особого строительства в нем незаметно, все же и на рабочем, и на крестьянском жилье лежит печать если не зажиточности, то во всяком случае известной прочности, и все люди, которых вы здесь встречаете, поражают крепостью своей осанки, спокойным блеском глаз, здоровым румянцем. Это относится даже и к шахтерам, которые работают здесь в тяжелых условиях.

Они вполне правы, резко протестуя против того, что уже несколько лет обещают им механизацию их шахты, но не двигаются в этом отношении вперед.

Когда во время моего отчета я говорю им в самых сильных выражениях о будущем Прокопьева и о том, что правительство и вся наша общественность знают Прокопьево как жемчужину будущей Сибири, когда я обещаю им (имею право обещать, так как вопрос этот предрешен) в ближайшем же будущем проведение новых мощных шахт, механизацию их, согласно последнему слову науки, лица расцветают и бурная овация горняков несется вдаль, в ту Москву, которая подумала о них, которая учитывает все.

Удивительным характером отличалась дискуссия в Прокопьеве. Она еще превышала ленинский уровень. Прокопьевцы гордятся тем, что их копи есть дело ре-

волюции, что Прокопьево целиком советское детище, что им самим пришлось отстаивать его от разных белых банд с оружием в руках, — ведь Прокопьево могучий центр партизанщины. Многие рабочие сами участвовали в полной приключений, жертв и побед гражданской войне, которая велась за обладание Сибирью, а теперь они ждут не дождутся — не из личной корысти, а прежде всего из того же общественного гор-

Тов. А. В. Луначарский в Прокопьеве

няцкого пролетарского чувства, когда великие богатства их местности, которые они отстояли, разработку которых они начали, будут оценены по достоинству и развернется по настоящему их разработка.

В Прокопьеве мне удалось побывать еще на двух интересных собраниях.

Съехались крестьяне бедняки, а отчасти и середняки, и собрались в избе-читальне поделиться впе-

чатлениями о колхозном строительстве в прокопьевском районе и посоветоваться о дальнейших нуждах его и о дальнейших мерах к его развитию. У меня не было времени познакомиться с сущностью дебатировавшихся вопросов, но я сделал общее введение, в котором старался обрисовать, какую гигантскую важность для всего нашего строительства, для судьбы всего Союза и Сибири в частности будет иметь колхозное строительство. Эта речь была встречена с огромным вниманием и какой-то напряженной вдумчивостью. Я невольно переводил глаза с одного лица на другое. В самом деле, эти сибиряки, где вы их ни возьмете, представляют собой удивительную коллекцию типов, за которую должен был бы ухватиться любой художник. Бородатые, с вьющимися вокруг лысины сединами, с такой значительностью и вместе с тем простотою выражения, какую старались придать художники изображениям апостолов; молодые, широкогрудые, мускулистые, с обветренными лицами, бритыми или усатыми, с дремучими глазами, то желтоватые, с сильной примесью монгольских черт, с широко расставленными глазами, полными вопроса и напряжения, как будто переводящими русскую речь на язык своей особой мысли, то смуглые, маленькие, подвижные, с каким-то совсем чуждым и неожиданным складом морщинистых физиономий. И над всем этим молчание большого внимания к большому делу.

Удалось мне побывать также и на учительском собрании. Учителя, а особенно учительницы и дети из местной школы, с огромным радушием и непринужденной веселостью приняли меня, — такую диковинку! „Из Москвы приехал сам народный комиссар по просвещению, тот самый, чью подпись видели на декретах

и распоряжениях, и портрет которого висит на стене в школе". Любопытство безмерное! Несмотря на то, что времени у меня было мало, я все-таки постарался рассказать побольше интересного об успехах, трудностях и задачах нашего просвещенского дела, побольше ободрить этих носителей культуры, заброшенных так далеко.

Тов. А. В. Луначарский среди группы просвещенцев Прокопьева

Тип учителя и учительницы здесь несколько иной, чем в сибирских городах. Пожалуй, прежде всего бросается в глаза его здоровье. Этот каленый, серебряный, звонкий сибирский климат, в конце концов, отлично подходит для трудящегося человека. Ведь все эти просвещенцы живут на относительно грошевое жалование, проводят очень большую работу,— но матушка Сибирь сумела накормить их своим молоком так, что розы

цветут у них на щеках и глаза блестят любопытством, юмором и живым умом.

После доклада и приветствий все высыпали на улицу и расположились около домишки местного фотографа. Сколько тут посыпалось шуток и насчет мешковатости фотографа, и насчет того, что мой спутник „крыл“, по выражению одного учителя, и нас, и самого фотографа, снимая своим аппаратиком, как тот нас фотографирует, и над тем, что на нас уставилась корова, и т. д. Все перекидывались шутками и нет-нет упоминали о том, какое это необыкновенное происшествие — член правительства в Прокопьеве. Может быть, никогда до сих пор я не осознавал с такой ясностью, в какой мере за эти 11 лет протянулись связи солидарности между рядовыми огромной армии красных просвещенцев и нами, работниками центра, руководителями этого дела.

АНЖЕРСКАЯ — СУДЖЕНКА И ЧЕРЕМБАСС

Чтобы покончить с каменноугольной Сибирью, расскажу еще о двух других больших угольных районах — Анжерском (правда, он относится к Кузбассу, но расположен в стороне, на магистрали) и Черемховском.

Анжерские копи — старые. Они принадлежали прежде сибирской железной дороге. Но при советской власти они расцвели до неузнаваемости и сильно подняли свою выработку.

Мы нарочно поехали посмотреть на рабочее жилье в старой стройке и в новой. По правде сказать, даже и в старой стройке, в ветхих и сильно зажитых домиках, небольшие квартирки, в комнату с кухней, выглядят довольно приветливо.

В первом домике, куда мы попали, мы нашли только хозяйку и ее пятерых детей — от взрослой комсомолки до 3 недели тому назад родившегося младенца. Конечно, такой большой семье жить в квартирке этого типа тесно, но при меньшем многолюдстве она была бы неизмеримо привлекательнее, чем те поистине ужасные жилища, которые я видел на Урале, в Лысьве,— так называемые, „номера“.

Но новая стройка несравненно приветливее. У одного рабочего, женатого и живущего с младшим братом, мы нашли довольно много цветов и резвого котенка, и какой-то привкус уюта, который не обманывает.

Однако, на улице нас нагнал какой-то рабочий из числа „недовольных“.

„Тут, сказывают, из центра приехали нарком, это вы будете? Вот хотел поговорить насчет постройки. Стены проконапачены плохо, много угля уходит на топливо. К тому же мало сознательны мы. Нас делить нужно между собою, а тут вдруг кладовая одна на два семейства, люди поступают против совести — свара". „Ну, полно, говорит заведующий копями тов. Акулов — разве можете вы отрицать, что жилищные условия у вас очень улучшились? А если какие-нибудь мелочи не в порядке, можете заявить". „Ведь начальство-то из центра раз в год мы видим, хочется пожаловаться".

Позднее, во время моего доклада, я специально остановился на характере этой жалобы, так как узнал, что действительно у „хозяек" происходят от времени до времени мещанские схватки из-за мелочей, бытовых пустяков. Я сказал на собрании при большом сочувствии рабочих: „Как же это вы хотите проводить коллективизм в деревне, уговариваете крестьян на такое важное общее дело, как колхозы, а сами, будучи пролетариями, коренными коллективистами, не умеете дружно ужиться в двух квартирах только потому, что у них одно общее крыльцо и одна кладовая"?—Смеются.

Зашли мы в очень интересную энергетическую установку Анжерки. Интересна она тем, что почти вся обновлена. Курьезно сравнить огромные, как бегемот, старые машины, которые давали что-то около 800 киловатт, и изящную маленькую новую установку на 3.000 киловатт.

Между прочим, турбогенератор очень сложной системы, выписанный из Германии, был собран здешними рабочими самостоятельно, без участия немецкого мастера. Инженер рассказал мне, что немцы в этих случаях пускаются на кое-какие хитрости: закладывают отдельно

какие-нибудь маленькие части, необходимую пластинку, так что приходится ломать голову, прежде чем догадаешься, почему как-будто совсем ладно собранная машина все-таки не идет в ход. Но эти маленькие хитрости и уловки были превосходно раскрыты рабочими и машина идет безукоризненно.

Подивились мы также котлам Вилькокса до такой степени механизированным, что к ним, можно сказать, незачем прикасаться человеческой рукой: они сами себя загружают углем в должное время и в должной мере, сами себя контролируют, сами себя очищают.

Несколько слов необходимо сказать отдельно о здешнем рабфаке. В свое время Наркомпрос, считаясь с большим количеством рабочих и рабочей молодежи в Анжерской и соседней Судженке, возбудил ходатайство о принятии этого вечернего рабфака на государственный счет. К сожалению дело не прошло в Совнаркоме, — не прошло пока, так как я надеюсь, что на перерешении этого дела, согласно усердной просьбе рабочих, можно будет настоять. Правда, из центра все-таки было дано на оборудование рабфака 20 тыс. руб., но этого недостаточно. Сибирский бюджет перенапряжен, много дать не может, и хотя он дал все, что мог, тем не менее рабфак тесноват, учебников и учебных пособий в нем мало, а он заслуживает того, чтобы быть поставленным образцово, что можно сделать лишь в том случае, если центр согласится взять его на свой счет.

Чем же замечателен этот рабфак? А вот чем: его студенчество (человек 180) — молодые горняки, которые работают под землей в течение 6 часов ежедневно, а потом, умывшись и пообедав, идут заниматься на рабфак, работают здесь до 12 часов ночи в комнатах, набитых этой учащейся молодожью, потея,

схватившись от отчаяния за голову и работая, по выражению одного из рабфаковцев, „над такими науками, что прежде от одного названия голова кругом шла". В 12 часов ночи такой „студент" возвращается к себе домой на койку для того, чтобы вздремнуть до 5 часов утра и потом спуститься под землю, бороться в поту и духоте с неуступчивой породой, громя ее кайлом или катя перед собою неуклюжую тележку. Это действительно какой-то юношеский героизм, стремление взять в лоб науку. И как же такой богатырской молодежи не пойти навстречу:

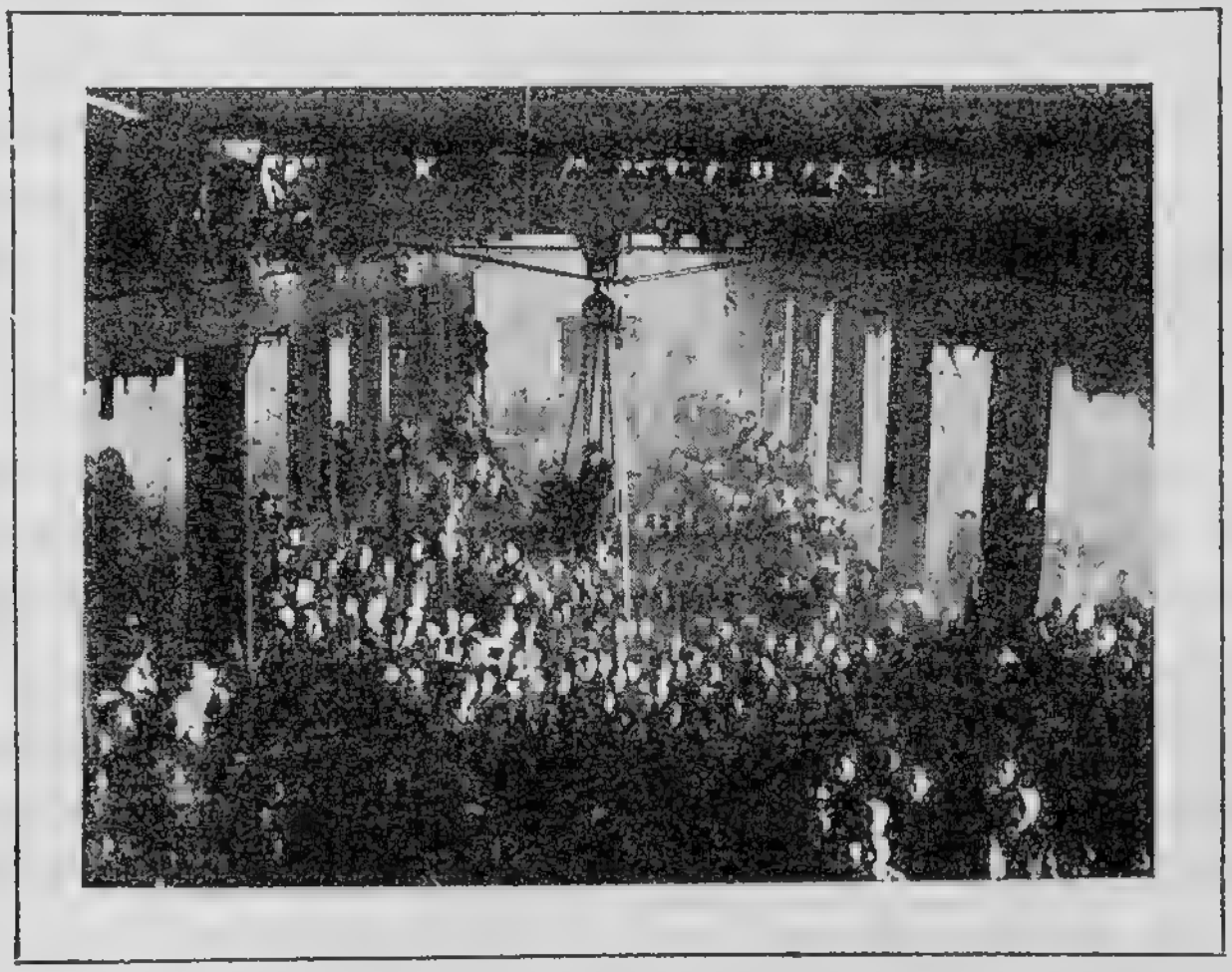
Судженка — бывшие частные копи, теперь объединенные под одной дирекцией с Анжерской, отстоят от нее версты на четыре. Оттуде явилась делегация, заявившая, что судженцы не могли притти в Анжерку, да если бы и пришли, не вместились бы в ее клуб, — а потому категорически просят приехать к ним и повторить, хотя бы вкратце, доклад правительства. Поехать оказалось возможным в автобусе, обычно совершающем рейсы между этими двумя поселками.

Был уже довольно поздний вечер и трудно было рассмотреть окружающее. После переезда по совершенно пустой снежной равнине Судженка кажется внушительной и людной, по крайней мере вечером. Большие здания с освещенными электричеством рядами окон, уличные фонари, довольно большое движение, — все это на минуту перенесло меня в какой-то большой город, хотя, вероятно, за пределами узкого центра это впечатление сразу исчезло бы.

Едва подошел я к концу моего сокращенного доклада перед 500 судженскими углекопами, которые, внимательно выслушав принятую в Анжерке резолюцию, тщательно пополнили ее своими замечаниями, как

вновь явилась делегация, на этот раз принадлежащая шахте 5/7, в красном уголке которой собралось 300 — 400 шахтеров, требующих к себе представителя правительства.

Пришлось в том же автобусе переехать и в красный уголок. Он оказался, между прочим, довольно вместительным клубом. На собрании бросалось в глаза



Собрание рабочих рудников и механического завода в Черемхове слушает доклад тов. Луначарского. На снимке видны группы рабочих, устроившихся даже на блоках.

довольно значительное количество женщин. Здесь опять после доклада очень вдумчиво прослушали резолюцию и вновь ее пополнили. Горняки — народ серьезный, проехать мимо себя члену правительства не позволят, а, залучив его к себе, хотят самостоятельно обдумать резолюцию, включить в нее свои требования.

Любезный шофер в автобусе взялся отвезти нас с шахты 5/7 прямо к нашему вагону. Это было от-

важно. Мы не сразу поняли всю серьезность такого полного неожиданных авантюр путешествия. Дело в том, что прямой дороги в таком направлении нет и автобус должен был комбинировать ее из различных кусков уже проложенных человечеством путей, пересеченных, так сказать, неисследованными промежутками.

Путешествие это доставило нам немало удовольствия. На крутых взъездах, вследствие (согласно гипотезе шофера) плохого качества бензина, мотор начинал стрелять и затем прекращал свое действие — вернее, действие это оказывалось абсолютно неэффективным. Тогда шофер взывал к своему ассистенту, который продолжительно и безрезультатно колдовал над мотором. С недовольным кряхтением слезал, наконец, „сам" и укрощал свою заупрямившуюся машину. Хуже было, когда мы въезжали в более или менее глубокий сугроб. Тут полностью сказывалась мудрость народной пословицы, конечно, в индустриализированной форме: „любишь кататься — люби и автобус возить". Публика высаживалась и с уханием двигала громоздкий экипаж. Автобус, однако, оказался машиной коварной и не сразу выдал все свои сюрпризы. Так, вытащенный из снега, он немедленно отблагодарил своих спасителей, которые, фыркая, уселись на месте, растирая озябшие носы и щеки, тем, что вдруг совершил прыжок, достойный тигра, вследствие которого в боку руководителя сибирского хозяйства оказалась порядочная пробоина. Но все препятствия были преодолены и вдали замелькали, наконец, огни вокзала. Вероломная машина выкинула тогда свою последнюю штуку: она внезапно накренилась на бок и решительно отказала в дальнейшей службе. Пришлось пройти остальное расстояние пешком. Для того, чтобы читатель мог оце-

нить всю прелесть этой прогулки, я должен упомянуть, что было 32 градуса мороза при сильном ветре. Пришли мы в наш вагон промороженные насквозь, и только сибирские пельмени, которые в невероятном количестве сюрпризом приготовила нам добрая жена одного анжерского товарища, привели нас опять в чувство и состояние жизнерадостности.

Посещение Черемхова состоялось значительно позднее — но уж уголь к углю.

Черембасс находится в очень сложных условиях. Его запас, повидимому, не менее миллиарда. Уголь его довольно хороший. Последние опыты, произведенные в Москве, показывают, что здешний уголь недурно коксуется. Но Черемхово расположено недалеко от Иркутска и следовательно имеет чрезвычайно слабые экспортные возможности. Оно мечтает сомкнуться с рудами Дальнего Востока, мечтает проникнуть в Манчжурию и Китай, но все это пока только планы. А сейчас Черемхово не может развернуться, как следует, не имея правильного сбыта.

Тем не менее, угольные копи Черембасса, как все у нас в стране, развиваются и рационализируются. Механизация привела к большим результатам: добыча угля здесь, пожалуй, самая дешевая, — пуд обходится в 7 к.; а в будущем цену себестоимости надеются снизить до 5 коп. Но механизация приводит к сокращению рабочих рук, а невозможность расширения производства угрожает частичной безработицей даже шахтерам, принадлежавшим к старому, основному костяку рабочего населения Черемхова. „Так что вы не удивляйтесь, дорогой товарищ, — предупреждает меня молодой ди-

ректор, тов. Шестов, — если рабочие у нас не совсем довольны, если у них даже проглядывают хвостистские настроения, некоторая враждебность к машине".

Я так и приготовился встретить несколько хмурое рабочее собрание.

Ничего подобного. Мы вошли в огромное помещение механического цеха, в окна которого било яркое зимнее солнце, необыкновенно живописно заливая целое море голов и гирлянды молодежи, расположившейся, словно воробьи, на фермах, перекладинах и галлерейках. Нас встретила веселая и хорошая музыка горняцкого оркестра. Прием вообще был необычайно воодушевленный и радушный.

Еще более поразили меня самые дебаты. Рабочие поднимались легко до вопросов общегосударственных, общесибирских; нигде, кроме разве Прокопьева, они не говорили с такой заботой, с такой тревогой о самом родном — о своем производстве.

Было и несколько жалоб местного характера, притом совершенно законных. Ну, разве не безобразие, в самом деле, что рабочим из дому на производство приходится проходить через пути и раз 10 нырять под брюхо вагонов, или делать необъятный крюк? Железной дороге пустяки стоило бы сделать виадук, но зачем? — рабочие „не свои". Надеюсь, что удастся убедить железную дорогу, хоть пополам с управлением копей, соорудить этот виадук.

Очень хорошо выступали в Черемхове просвещенцы. Одна учительница в красном платочке, упомянув о некоторых чисто просвещенских нуждах, произнесла потом широкую общественную речь о привлечении женщин к советскому строительству, о той роли, которую горняки должны сыграть при выборах в окружающих

деревнях, о нынешнем фазисе борьбы деревенского социализма с кулаком и т. д. Эта горячая, можно сказать, даже огненная речь была выслушана горняками с глубоким вниманием и покрыта дружными аплодисментами.

Хорошо говорил и пожилой учитель в синих очках. Особенно понравилось мне такое место в его речи: „Тов. Луначарский, среди деревенских учителей есть немало хороших общественников, подлинных внепартийных коммунистов. Обыкновенно такие бывают как раз и хорошими педагогами. Интересов и запросов у учителя этого типа — бездна, но один страх висит над ним, как бы не отстать совсем, как бы не порасти мхом, как бы не одичать. Ведь он живет иной раз в совершенно непроходимой глуши, ведь даже поездка куда-нибудь сюда, в Черемхово, к производству, к рабочим, для него уже глоток воздуха. Я не говорю о каких-нибудь дальних экскурсиях, – они делаются в ином порядке; но средства учителя не позволяют ему даже недалеких поездок. Нельзя ли было бы установить некоторый вспомогательный фонд, который позволял бы учителю от времени до времени, в отпуск, например, поехать в какой-нибудь промышленный центр и проветрить там свои мозги и политически и педагогически? Мы имели бы таким образом лучшее количество людей, которые являются одной из главных опор советской власти в деревне".

ПО ДОРОГЕ В ИРКУТСК И САМ ИРКУТСК

Анжерскую группу копей и Черембасс я посетил на пути к Иркутску. По дороге в Иркутск я был также и на станции Яшкино, которую нельзя пропустить без внимания.

Остановились мы там всего на 2—3 часа, чтобы не проехать мимо нового цементного завода. Это был самый холодный день, пережитый мною в Сибири, мороз достиг 40 градусов, но было почти совсем тихо и ослепительно играло по снегам солнце. Курьезно: надо следить, как бы не отморозить нос, уши, и в то же время настоящего холода не чувствуешь. Воздух кажется каким-то ломким, жгучим, а солнце сквозь него дает чувствовать свою теплоту на щеке, на виске с той стороны, которая солнцем освещена, в то время как другой чувствует ледяное пронизывание крепкого мороза.

Завод — преинтересный. Он сейчас увеличивает производство цемента во много раз и превращается из скромного кустарного предприятия, принадлежавшего какому-то частному капиталисту, в большое дело.

Любопытно сравнить старое и новое в этом заводе.

Вот, например, основное помещение, где стоят цементные длинные печи, в которых достигается температура выше, чем в крематории. Старое помещение подслеповатое, почти без стекол, с плохой вентиляцией. Хозяин не думал ни на минуту о своих рабочих, лишь бы дешевле гнать свой товар. А рядом огромный высокий зал с целой стеклянной стеною, с приспособлениями для очистки воздуха, с гораздо большим про-

стором для действия рабочего персонала. Весьма демонстративное сравнение. То же и с электрической установкой. Ничтожество прошлого по сравнению с размахом настоящего сказывается и в количественных, и в качественных сторонах. У самого завода лежит громадная груда крупных кусков известняка. Близость известняковой породы и определила собою самый цементный завод. Дело, однако, в том, что эту колоссальную кучу булыжника, похожую на подлинную гору, привозят сюда на крестьянских лошадях и крестьяне не только получают за это солидную плату, но и, по рассказам директора, любят покуражиться: то одно у них, то другое. Обоз тогда начинает действовать с перебоями, завод сидит без своей каменной пищи. Мы сейчас видим, как на самый верх булыжной горы взбегают одна за другой крестьянские лошаденки и крестьяне с грохотом вываливают кучу камней, которая кажется снизу горсточкой. А скоро здесь пройдет подвесная дорога, которая электрической тягой будет в любом количестве доставлять этот же булыжник, без всякой необходимости этих гор запаса, прямо в пасть мельчителей. При чем, кроме всей красоты и опрятности этого дела, не только не надо будет опасаться капризов крестьянской коняги, но и удешевление будет огромное.

Рабочие собираются на митинг в своем небольшом клубе. Они живут тут в непосредственном соприкосновении с крестьянством. Между прочим, крестьянство само сильно втянуто на завод и живет, пожалуй, больше доходами с него, чем с поля.

Интересная черта. Когда я кончил свой сокращенный доклад, для ответа мне выступил брюнет небольшого роста, в очень хорошей шубе, оказавшийся на поверку

рядовым рабочим цементного завода. В чрезвычайно определенных и уверенных выражениях резюмировал мой доклад и высказал от лица населения Яшкина удовлетворение по поводу советской политики и без излишнего пафоса, но с замечательной ясностью, обещал беззаветную поддержку рабочих делу социалистического строительства и его защиту в том случае, если оно подвергнется прямому нападению. Не знаю, конечно, может быть, этот рабочий приехал сюда откуда-нибудь из центра, может быть он уже очень политически искушен, но, право, многие ораторы, являющиеся специалистами политиками могли бы позавидовать построению и форме этой короткой, полной достоинства, отвечавшей моему докладу пункт за пунктом рабочей речи.

На большой станции Тайга, где имеются значительные железнодорожные мастерские, нас ждали чрезвычайно долго. Наши остановки ведь были непредвиденные. Рабочие думали, что мы приедем с утра, с утра и собрались в своем клубе, часов 5—6 нас ждали, да часов 5—6 высидели на докладе с дебатами и принятием резолюции. Разве это само по себе не удивительно?

Между прочим, отмечу, что Тайга обладает клубом положительно необыкновенным (правда, я его целиком не осмотрел). Его огромный белый, квадратный зал, чудесно освещенный, необыкновенно чистый по своим пропорциям, легко вмещающий 1500 человек сидячей публики,— в своем роде шедевр. Между тем, рабочие сгрохали свой клуб, урывая суммы то там, то здесь в каком-то не то профсоюзном, не то просто рабочем, инициативном порядке и теперь год уже не могут добиться, чтобы железная дорога приняла этот клуб. Освещать,

отоплять, ремонтировать — на это средств уже не хватает. Дорога со своей стороны отвечает, что у нее есть определенная сеть клубов и что на клубы, которые выросли каким-то чудом, вроде гриба за ночь, у нее средств нет. Ну разве это не курьез, в котором есть и досадное, и отрадное—хвать-похвать, и вдруг на какой-то Тайге великолепный клуб с залой, которой позавидовал бы средней величины европейский город. Кто по-

Тов. А. В. Луначарский на цементном заводе на станции Яшкино

строил? На какие средства? С чьего разрешения? Неизвестно. Построился непредусмотренный клуб. Вот беда-то! Что теперь делать?

Иркутск город замечательный, даже увлекательный и во многом фантастичный. Так подобрались и его природа и жители, таковa ег о история, а отчасти и настоящее, что писателю, мне кажется, необычайно инте-

ресно заехать туда на годик. Сюжетов здесь можно набрать совершенно невероятное количество как юмористических, так и трагических, или, вернее всего, с самым шекспировским соединением и того и другого.

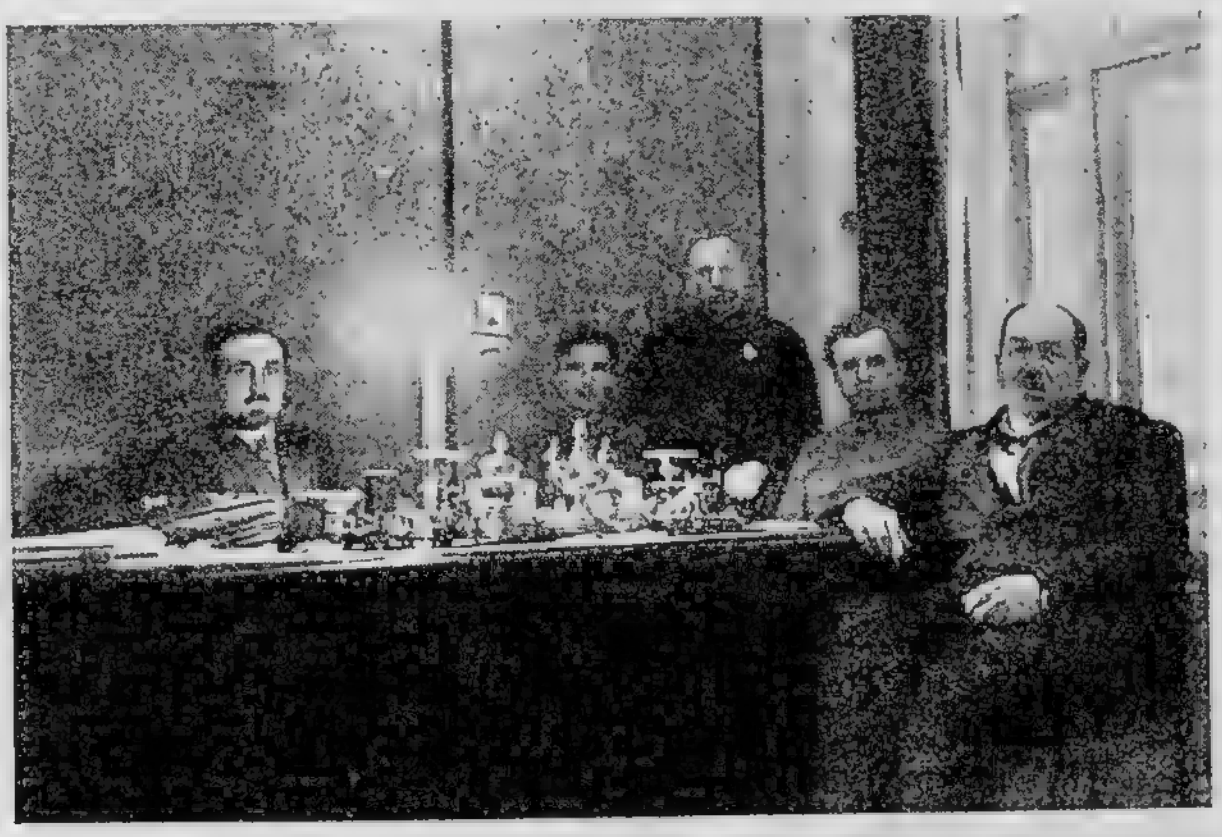
Всего об Иркутске не перескажешь, — а был я там всего два дня.

Сначала немножко об общем характере Иркутска, как общественного явления. Это генерал-губернаторская столица. На ней лежит облик официального колониального центра времен крепкого царского режима. Фундаментальные каменные здания высятся целыми улицами, проложены бульвары, насажены скверы. Хмурится довольно величественный генерал-губернаторский дворец. Есть превосходный театр с импонирующим фасадом и изящной большой залой, большой музей затейливой архитектуры, весь в башнях. Словом, город построил себе весьма солидную каменную шубу и имеет пресолидный вид. Жило в нем что-то около 200.000. Народу живет сейчас в два раза меньше, — шуба стала просторнее.

Иркутск был не просто административным центром дальнего края. Это был край типично-колониальный и богато-колониальный со всеми особенными признаками колонии.

Во-первых, иркутяне вели торговлю со всеми инородцами, при чем торговля эта шла на выразительно колониальный лад, иными словами путем самого бессовестного обирания якутов и других туземцев, вроде того, как европейцы бессовестно обирают каких-либо негров с Слонового Берега. К тому же к иркутской колонии относился и Бодайбо, золотые россыпи с целым миром разных старателей, менял, спиртоносов, контрабандистов, ростовщиков и т. д. Около золота всегда можно погреть руки.

Однако, Иркутский край — колония холодная. Извольте ездить тысячи верст для того, чтобы выдавливать по копейкам пот из охотников или заброшенных, чорт знает куда, землепашцев, не видящих годами товаров, извольте иметь дело со всеми этими в высшей степени вольнолюбивыми, а иногда весьма неподатливыми авантюристами нашего сибирского Клондайка.



Тов. А. В. Луначарский в кабинете предкрайисполкома Сибири т. Эйхе. Слева направо: Эйхе, тов. Воронин (зампредкрайисполкома), т. Коренев (предс. СНХ Сибири), т. Рещиков (секретарь крайисполкома), т. Луначарский

В ином случае ты его возьмешь за горло и вытянешь у него за бесценок все набранное им золото, а в другом случае, может быть, он тебя тукнет в подходящий момент. После трудов „праведных", награжденных значительной прибылью, хочется такому промышленнику-колонисту немедленно реализовать часть своих доходов в наиболее доступных его вкусу и воображе-

нию благах. И вот он приезжает в теплый, толстостенный и почти комфортабельный Иркутск, где ему предоставляются в некоторой степени парижские блага: все можно купить, можно тонко пожрать, пьяно выпить, найти сколько угодно женщин разной цены и разных градаций падения и туалета. А ежели у него вкусы благородные, то тут же и театр и концерты. Конечно, при всем этом картеж, и захват друг у друга нажитых благ не только за зеленым сукном, отчаянная спекуляция всем, чем угодно, множество ловких и веселых людей, артистов, торговцев, комиссионеров, всякой прислуги, жуликов, проституток и т. д., кормящихся у веселого и сытого центра восточно-колониальной обираловки.

Таким был Иркутск. Конечно, он был не только таким. В Иркутске собиралось и известное количество интеллигенции, кое-кто из ссыльных. Здесь довольно энергично работала краеведческая мысль, которая и сейчас отнюдь не замерла, а напротив, получает новый размах, опираясь на немаловажные приобретения, библиотеки, музеи и т. д. Но эта благородная и культурная сторона Иркутска во всяком случае не задавала основного тона. Центр административно-полицейский, судейский, центр хищнической торговли, центр „разлюли-малина“ дружно совпадали и вместе характеризовали этот пионерский пункт западной культуры в глубинах азиатского материка.

И вот пришла революция. После продолжительной борьбы и разных драматических военных перипетий революция рядом ударов разрушила голову Иркутска, ошеломила его ниже лежащий центр сознания и жизни.

Все рухнуло. Спасайся, кто может!

Кто мог, спасся путем бегства, кто не смог — притаился и когда пришли более спокойные времена, немножко отдышался и стал показывать нос на улицу. На первое место выдвинулись теперь люди, которые стояли на последнем — рабочие больших ж.-д. мастерских, крупного кожевенного завода и многих других предприятий, поднял голову крестьянин, сильно ободрился инородец. Но этот новый Иркутск с его университетом, с его рабфаком, с его политическими интересами и планами строительства далеко не покрыл собою старый Иркутск, который занятными плешинами проглядывает из-под нового лака. Не только весь облик Иркутска характеризирует его отличие от Новосибирска (надо слышать, с каким язвительным придыханием отставной столичный житель произносит по адресу Новосибирска: „Чикаго"), но и население. Здесь сохранилось необыкновенно много обывателя и притом какого-то вольнопрактикующего обывателя. На главной улице сверхестественное количество лавок шапочников и часовщиков и т. п. мелкого торгового люда. И когда спрашиваешь, каким образом такая куча мелких торговцев может прожить в наполовину опустевшем Иркутске, то поясняют: „Ну, что-ж, шапочники покупают часы у часовщиков, а часовщики покупают шапки у шапочников". Живут, по-видимому, не очень плохо; по крайней мере, в театре, например, публики очень много. Она, по преимуществу, обывательская и, судя по одежде, относительно зажиточная. Ни в одном сибирском городе не видно столько женщин, в туалете которых чувствуется какой-то отдаленный отголосок модных центров. По-видимому, иркутскому обывателю свойственна весьма пьянящая смесь самой горькой скуки и самого ожесто-

ченного желания убить ее. Вот почему под снеговым холодом Иркутска все еще таятся светские страсти, само собой разумеется, выражающиеся, главным образом, в стремлении выпить, закусить, побаловаться. Все вместе создает в Иркутске такое большое количество обывательской тины, что не всегда и присылаемым сюда для серьезной работы по краю ответственным работникам удается уберечься от нее.

На этой почве разыгрываются не только фарсы, но и подлинные, очень и очень тяжелые трагедии. В последнее время сибирский центр стал посылать в Иркутск только испытаннейших людей, людей большой революционно-этической закалки. В Сибири есть места, где нельзя жить, не надев на лицо сетки и не обмазав себя всякими вонючими маслами, иначе тебя съест так называемый гнусь. Гнус легко может съесть порядочного человека в самом Иркутске.

И все-таки, у города может быть большое будущее. У него есть известная база. Он все-таки материально самый крепкий опорный пункт цивилизаторской, устроительной мысли гигантского края, к нему тянутся якуты, буряты и все разнообразное крестьянство Восточной Сибири, и хотя хозяйство края туго поддается развитию, но придет и его время.

Природа дает Иркутску невыразимое и своеобразное очарование. Суровый, почти страшный, но в то же время строго-прекрасный северо-восток чувствуется здесь гораздо больше, чем в других местах, какие удалось мне посетить.

В первый же день, когда мы вышли из вагона, я был поражен этой красотой. Дело не в том, чтобы Иркутск был расположен в живописной местности, как, например, Красноярск, а дело, так сказать, по

преимуществу, в самом его климате. В день моего первого знакомства с Иркутском сияло солнце. Иркутск весь дымился кудрявыми дымами и сиял белоснежными стенами, словно одетый в горностай, и это впечатление пушистости, нежной горностайности все вырастало, потому что решительно все, что только видно было кругом, покрылось инеем самой утонченной работы. Деревья стояли серебряные и ювелирные, такие легкие, неподвижные, что немыслимо было отказаться от представления, будто они красуются, будто они щеголяют, показывают себя. Но и самые мертвые доски заборов, столбы, фонари не были забыты природой,— каждая вещь была так или иначе орнаментирована пухом и серебром. Вдоль улицы бежали самые обыкновенные телеграфные провода; но обыкновенные телеграфные провода в руках сибирской зимы превращаются в нечто неизъяснимо легкое, голубовато-белое, кружевное. Целый пучок таких аксельбантов бежит над вами по голубому фону неба. И при этом необыкновенная тишина. Мягко протопчется по снегу лошадь, чуть слышно заскрипят полозья, а людям не до разговора, — они, подняв воротники и получивши от зимы порядочное количество серебра на усы, стараются поскорей добраться куда надо. Поэтому тишина нарушается почти только галками и кажется, что они кричат необыкновенно громко и нарочно стараются устроить какой-то скандал в этой торжественной тишине, которая их будто пугает.

Мы едем к Ангаре. Если вы хотите покататься на пароходе в декабре, то надо, оказывается, ехать в Иркутск. Вам придется переправляться на пароходе на другой берег дочери Байкала. У берегов Ангара уже замерзла, а по ее быстро текущей поверхности сколь-

зит тонкое ледяное сало. Однако, сама она не сдается. Прозрачная, так что на три аршина в глубину видна каждая галька ее дна, она мчится и кажется голой, под жгучими укусами холода она как будто ежится и вся дымится.

Обледенелый пароход пересекает ее легко сейчас, когда этот пар от ее полного молодости и жизни тела только клубится, курится под солнцем. Но вот мы застаем Ангару в совсем другом виде. Словно защищаясь от холода, она закуталась в вату туманов. Туманы ползут из нее обильно и заливают оба берега. Весь Иркутск потонул в этом молоке, все закутано им, и на близком расстоянии едва увидишь очертания предметов. Солнце прозаическим, лишенным славы своих лучей кружочком, более бледным, чем луна, старается рассмотреть что-то сквозь эту пелену. Пароходу с того берега итти всего 5 минут, но мы слышим его тревожные свистки, он заблудился в этом небольшом русле. Его свистки гулко раздаются где-то, словно навстречу идет другой пароход. А на станции часто и тревожно, набатно звонит колокол, указывающий ему путь. Но вот он пришел и мы становимся на ледяной сходне, чтобы выждать, пока с парохода спустятся пассажиры. Это прекурьезно. Из белого, малопрозрачного тумана одно за другим возникают перед вами лица, приобретающие, вынырнув из этого белого ничто, какой-то особенный призрачный и подчеркнутый характер: суровое лицо великоросса с бородой-лопатой, раскосый туземец, какой-то нэпмановского вида господин под руку с дамочкой, женщина с ребенком, еще женщина, в этот раз с ярким букетом искусственных бумажных цветов...

Видел я Иркутск и сильно морозной ночью. В такую ночь луна здесь стоит невероятно высоко и ста-

новится стеклянной и все вокруг становится стеклянным. Кажется, что остеклянился воздух, остеклянилась Ангара и все стало хрупким и ломким, как будто погруженное в жидкий воздух. Тишина становилась все более заглушающей, и казалась удивительно подходящей к этому глухому затихшему пейзажу, когда вдруг из-за устоев дамбы выдвинулась к нам внушительная фигура, человек с заиндивевшей бородой и шапкой, который с оттенком иронии прохрипел: „Позвольте приветствовать вас, тсв. Луначарский, — заамурский партизан“. В стеклянном воздухе приятно чувствуется примесь спирта, и думаешь о том, как бы пришлась этому „партизану“ моя шуба, если бы мы встретились с ним без свидетелей.

Мой спутник даже заинтересовался этой неожиданно выплывшей и связанной с Амуром фигурой. Однако развитие своего маршрута с Амура до Иркутска „партизан“ объяснил невнятно и предпочел прекратить разговор и удалиться.

ЕЩЕ ОБ ИРКУТСКЕ

Иркутский университет расположился в целом ряде зданий, им занят бывший институт, генерал-губернаторский дворец и еще какие-то строения, — и все ему мало. Библиотека распирает у него отведенное ей помещение, кафедры жмутся и теснят друг друга, студенты бегают по морозу из одного конца города в другой. Можно было бы, правда, подарить университету великолепный, недостроенный военный городок, но этот подарок обошелся бы ему в 8 млн. рублей. Все-таки университету необходимо притти на помощь. При теперешней „чресполосице и дальноземельи“ он представляет собою весьма несовершенное хозяйство. Страдает он также некоторым отсутствием профессоров. Правда, главнейшие кафедры заняты, но все же зияет порядочная пустота. Заменить профессора в Иркутске трудно, выманить его из Иркутска легко. Поездки Иркутску не то что заграницу, но даже и в центр, дают гораздо скупее, чем следовало бы. Между тем, лучшей приманкой для сибирской профессуры была бы не та небольшая прибавка к жалованью, которую мы сейчас ей даем, а как раз обязательство правительства ежегодно давать возможность глотнуть воздуха в научных центрах. Из двух таких командировок одну можно было бы давать за границу. Я совершенно убежден, что если бы такая привилегия была бы признана, как правило, за сибирскими профессорами, их стало бы больше, да и квалификация их значительно поднялась бы.

Некоторые кафедры иркутского университета интересны. Кафедра фармакологии проявляет очень большую активность: исследует дубильные вещества, залежи охры, растительные краски и т. д., словом, стремится реально помогать развитию государственной индустрии. Живая работа происходит и на других кафедрах; так, например, кафедра физики, оборудованная благодаря карской экспедиции, ведет любопытные исследования по теплопроводности и т. п. Сравнительно недурно живется кафедре судебной медицины, гистологии, но есть и задушенные помещением и отсутствием оборудования кафедры. Отмечу, между прочим, очень интересный кабинет НОТ. Здесь имеются совсем новые аппараты по психометрике, большая интересная коллекция фотографий с рационализованных заводов и цехов в Германии, привезенных руководителем кафедры. Вообще в университете бьет ключом живая мысль и студенчество его интересно своей сибирской крепостью и большим количеством нацменов. Особенно трудно, повидимому, развертывается бурятское отделение. Зато превосходно развернулся рабфак.

Рабфак занимает превосходное помещение, имеет большие, светлые, весьма недурно оборудованные кабинеты, а общежития его хороши на редкость. Только просторная генерал-губернаторская шуба, в которой живет Иркутск, могла позволить такую роскошь. За исключением небольшой сырости в нижнем этаже одного из зданий, все остальное почти идеально и тесноты особой нет. И еще, к чести иркутских рабфаковцев, надо сказать, что чистота у них поразительная. Много я на своем веку видел разных общежитий и должен сказать, что у девушек они еще туда-сюда, а у молодых людей они не поднимаются даже до такого официаль-

ного, казенного порядка, который можно видеть в самой захудалой казарме. Здесь не то: здесь чистота доведена до уюта, даже до своеобразного кокетства: всюду картинки на стенах, чисто прибранные постели, все выметено, вымыто и сами рабфаковцы не имеют вида бурсаков Помяловского. Не знаю, чем объяснить поразительную опрятность иркутских рабфаковцев,—может быть, тем, что помещение им отведено хорошее, а в иных из скученных рабфаков самой Москвы отпадает, должно быть, самая охота вести какой-нибудь порядок. Может быть, сказывается сибирский темперамент или наличие значительного количества инородцев. Широкие бурято-монгольские лица юношей и девушек с глазами, которые смотрят умно, пытливо, любопытно, встречаются на каждом шагу. Начинают рабфаковцы с жалоб, но потом сами же над ними подсмеиваются. Повидимому, они знают, что, по сравнению с большинством других рабфаков, они — баловни судьбы. Занятия у них ведутся по полной программе, успешно. Справедливой мне показалась одна их жалоба: они дают студентов в Иркутский университет, немного в Томский, немного в Дальневосточный, а в Москву и Ленинград их принимают что-то, кажется, по одному в каждый город. Это уже, пожалуй, обидно мало.

Характерен для Иркутска весь процесс отчета правительства, который я сделал в так называемом КОР'е (Клуб Октябрьской Революции), очень большом и благоустроенном зале. Народу собралось видимо-невидимо, что называется, яблоку негде упасть. Слушали мой трехчасовой доклад с чрезвычайным вниманием и полным одобрением, но едва я окончил последнее слово и президиум объявил о перерыве, как $^{3}/_{4}$ моих слуша-

телей схлынули. Что же, посмотрели наркома, послушали наркома и по домам, за чаек. Ведь теперь пойдет свое, слышанное-переслышанное и всякие там резолюции и другой обычный церемониал. Я вспомнил, как мы сидели в Шипунове до часу ночи с крестьянами и ни один из них не подумал пошевельнуться со скамьи; как 6 с половиной часов страстно обсуждали мы вопросы угольной промышленности Сибири в Ленинске и как железнодорожники на станции Тайга, просидевшие 5 часов в ожидании, сидели еще 5 часов за делом. Конечно, оставшаяся четвертая часть проявила достаточную активность и я, шутливо указав на такое обывательски-зрительское отношение иркутян к отчету правительства, сделал им весело принятый ими комплимент — „по крайней мере, оставшиеся являются, разумеется, самыми лучшими иркутянами".

Иначе проходило дело у рабочих и красноармейцев. Мне пришлось выступить два раза в двух ж.-д. центрах: Свердловском и Иннокентьевском. И там было по тысяче, а, может быть, и больше железнодорожников. Внимание напряженное. Правда, часто бывает, что у железнодорожников в дебатах очень большое место занимают местные мелочи, личные жалобы и досадно примешиваются демагогическое уравнительство и спецеедство. Один рабочий выставил, например, такой тезис, правда, приписывая его крестьянам: „Вот что нам говорят крестьяне: „Да мы у себя кулаков даже совсем истребить согласны, только сделайте то же и вы с вашими кулаками". „А кто же у нас кулаки?"—„Вся ваша служащая администрация и специалисты, которые получают по 200, по 300 р.". Однако разъяснение, почему специалиста приравнять к кулаку нельзя и почему рабочий проявляет высшую степень бесхозяйственности, когда

спецеедствует, выслушано было с полным сочувствием и пониманием. Основная масса рабочих у нас всегда на высоте и внешний характер собраний зависит только от того, насколько велика и насколько развязна бузотерская примесь, а также от того, насколько в данном месте крепко основное ядро и насколько оно умеет само, еще до ответа докладчика, дать некоторую трепку тем формам бузотерства, где слышны отклики левоэсеровщины, оппозиции и т. д.

После осмотра небольшого, но интересного кожевенного завода „Сиб-Монгол“, где я опять полюбовался превосходной хозяйской тревогой красного директора-выдвиженца и сообразительного председателя фабзавкома по поводу всяких недостатков „нашего предприятия“ мы попали еще и на местное отчетное заседание. Правда, по недостатку времени на отчете я не смог присутствовать, но я видел, как рабочие разных мелких предприятий, так называемого Маратовского пригорода, сходились со всех сторон с музыкой в свой обширный клуб и как они озабоченно и весело готовились „протереть с песочком“ свой муниципалитет. Я все же успел обратиться к ним с довольно обстоятельной речью об особом значении предстоящих выборов. При выходе, большое количество ребятишек с шутками, гоготом и щебетанием высыпали провожать меня к автомобилю.

Крепко и с подъемом прошел доклад в гарнизоне. Записки, которые в изобилии были мне поданы, показали, как чутко и точно разбираются красноармейцы как в вопросах внешней политики, нашей обороны, так и в вопросах нашего сельскохозяйственного курса. Здесь я имел удовольствие познакомиться с корпусным командиром, тов. Л. Товарищу этому всего 26 лет. Для придания себе большей солидности он

запустил вокруг своего юношеского лица непроходимую сибирскую бороду; для солидности внутренней он не нуждается ни в каких прикрасах. Его молодая жизнь полна кипучей деятельности и крупных подвигов, в результате которых грудь его украшена целой серией орденов Красного знамени. С большим авторитетом и самой симпатичной простотой провел тов. Л. наш митинг.

На фоне моего светлого воспоминания об этом молодом революционном воине проходит, однако, траурный силуэт. Жалею, что лишь позднее узнал о недавней гибели во время полета его младшего брата, летчика и тоже одной из надежд нашей армии. Жалею потому, что не смог по-братски пожать ему руку и выразить ему мое соболезнование.

Я прочел в Иркутске большую лекцию об основах нашей культурной революции.

Лекция, быть может, несколько теоретическая, но охватившая все важнейшие просвещенские, воспитательно-этические и художественно-бытовые задания, была выслушана иркутской интеллигенцией (преобладали, конечно, просвещенцы, профессора, студенты, партийные пропагандисты, артисты) с большим вниманием и интересом. Отвечала мне одна учительница, которая жалела, что я не остановился больше на нуждах школы, на недостатках, которые со всех сторон нас окружают. Я со своей стороны ответил этой учительнице, что часто, может быть, даже слишком часто приходится мне самому говорить об этих недостатках, но от их перечисления и от проливания слез по поводу нашей бедности школы вряд ли улучшатся. Тут должна вестись другого рода борьба—борьба за общее расширение центрального и местного бюджетов путем нашего

хозяйственного роста, борьба за признание более широких прав на долю в этих бюджетах за просвещением. „Нам же между собою важнее, пожалуй, подумать о том, как улучшить нашу работу. Не напрасно тов. Рыков указывает на то, что не от одной бедности, но и от собственной косолапости происходит у нас много недоброго. При таких же средствах можно дать и некоторый минимум эффекта, и некоторый максимум. Я боюсь, что мы еще очень далеки от этого максимума при данных материальных условиях. Вот почему полезно от времени до времени подняться несколько выше над непосредственными нуждами сегодняшнего дня, проникнуть несколько выше, проникнуть несколько глубже, оглянуть наши культурно-революционные задачи во всем их объеме, прощупать классовый скелет, который всегда должен служить опорой любой нашей культурной работы“. Не знаю, насколько согласилась со мною та лучшая часть иркутской интеллигенции, которая меня слушала, но думаю, что свою долю пользы моя „проповедь“ все-таки кое-кому принесла.

КРАСНОЯРСК

Нет ничего скучнее сибирского пейзажа от самого Урала до Красноярска. Это бескрайная и плоская степь. Но чем ближе подъезжаете вы к Красноярску, тем больше степь эта начинает волноваться и приобретать развлекающее разнообразие, а под самым Красноярском раскрывается уже настоящая Швейцария. В особенности немножко дальше, минут 5—10 за Красноярском, горы становятся настолько высоки, что, засыпанные по зимнему снегом, они совсем кажутся альпийскими вершинами.

Здания самого Красноярска, села вокруг него, довольно порядочное количество растительности и могучий, буйный Енисей — все это создает редкий по красоте пейзаж. Что Енисей буен—это видно даже теперь, когда зиме, наконец, удалось сковать его. Он наломал льда по своим краям и боролся с окостенением до конца, так что вся его сине-бурая поверхность динамична, как бы напряжена жилами, мускулами, и показывает токи и водовороты его течения. Енисей река капризная и даже страшная. Каждый год своевольничает он, разбивая баржи, унося насыпи и топя иной раз и все живое, попадающее в область его влияния.

Сам город Красноярск представляет собой соединение, с одной стороны, большого количества заурядных провинциальных домишек, а с другой стороны известную сумму неплохих зданий старого типа с известной претензией то на готику, то на „модерн“. Странно высится в этом городе новое здание музея,

весьма элегантно построенное в египетском стиле и украшенное египетским фигурным орнаментом. Некоторые жители Красноярска диву даются и руками разводят, почему на берегу Енисея построено здание, перенесенное с берегов Нила, и почему краевые коллекции обширного красноярского округа должны помещаться в египетских стенах. Однако, большой беды в этом нет. Правда, кажется, что этот музей-храм немножко зябнет у сварливых льдов седого Енисея, но в общем он все-таки красив, а главное здание будет обширно и в нем разместятся великолепные коллекции, которые никак нельзя развернуть в старом здании.

Когда мы ехали смотреть этот музей, солнце устроило фейерверк над Енисеем. Оно окружило себя в слегка туманном воздухе великолепным кругом, опаловым с чуть заметными нюансами радуги, а вокруг первой окружности описана была еще и другая дуга, значительно более бледная. Солнце сияло в этой двойной короне, устроенной ему мельчайшими частицами льда, и в благодарность весело выделяло все рельефы раскинувшегося по холмам и оврагам Красноярска.

Позднее мне пришлось проехать верст семь за городскую черту в военный городок, на большой митинг, который мы устроили для гарнизона. Оттуда очень красив Красноярск, весь как на ладони,—правда, на очень мозолистой ладони,—и весь дымящийся, словно каждый дом возносит курения солнцу в его двойной тиаре.

Что касается красноярского населения, то оно несколько особенное. Красноярск—старый город ссылки. Здесь побывало много знаменитых и незнаменитых революционеров, которые оставили после себя следы своей пропаганды, своих дискуссий. Рабочие Красноярска справедливо рассматривают себя как старую

гвардию революции. Здешний интеллигент, даже попросту здешний обыватель, в известной степени насыщен или, по крайней мере, наслышан насчет революции. Это сказалось, например, и в активном обсуждении отчета правительства. Это был не тот сплоченный, пролетарский, хозяйский и серьезный тон, каким угостили нас горняки, а скорей тон несколько оппозици-

Тов. Луначарский (1) и предокрисполкома г. Красноярска т. Полюдов (2)

онный, несколько бузотерский, очень независимый, скептический и прибедниваюшийся, при чем красноярские товарищи-железнодорожники прибедниваются то иронически, пуская небольшую демагогию насчет того, что рабочим всегда достаются крохи, а администрация всегда свое возьмет, и насчет того, что „как я в мастерской молотом буцал, так и сына приведу, скажу: буцай", то сентиментально, с дрожью в голосе расска-

зывая про то, сколько еще сирот и вдов не согрето, не одето, не накормлено, хотя уже двенадцатый год революции, и т. д.

Между тем, никак нельзя сказать, чтобы революция ничего не дала красноярским железнодорожникам. Заработная плата у них крепкая. Их средняя зарплата даже выше общесоюзной средней. Большинство рабочих имеет домики, у кого корова, у кого две. Есть, конечно, и безусловно обидные вещи, — скажем, сибирская железная дорога допускает, чтобы у нее, в таком большом, сознательном рабочем центре, школа девятилетка превратилась в зловонную конюшню, готовую расползтись по швам и отравляющую детей.

Надо сказать, однако, что довольно пикантное и красноречивое бузотерство устных и, в особенности, письменных высказываний рабочих в Красноярске относится к весьма небольшой их части, хранящей на себе следы каких-то эсэровских и меньшевистких воспоминаний. Громадная же масса рабочих очень хорошо понимает, что к чему, и когда председатель Окрисполкома тов. Полюдов произнес горячую речь благодарности революции и революционному правительству, рабочие разразились громким ура и стройно спели „Интернационал“. Было их в огромном железнодорожном цехе около 5.000 человек, и когда вся эта громада пела пролетарский гимн, впечатление получалось глубокое и многозначительное.

В Красноярске я прочел еще лекцию (не говоря о небольших выступлениях перед комсомолом, в клубе железнодорожников и т. д.). Лекция эта была делом довольно мудреным. Половина публики в цирке, вмещающем более 2.000 народа, состояла из рабочих, остальная — из местных партийцев, комсомольцев, про-

свещенцев, служащих и вообще красноярской интеллигенции. Я выбрал тему „В борьбе за социализм“ и старался рассказать о самых общих принципах нашей борьбы и немного заглянуть в будущее, на те этапы, которые приведут нас к законченному социалистическому строительству. Я нашел в публике удивительное

Доклад т. Луначарского о строительстве социализма в Красноярске. На докладе, происходившем в помещении цирка, присутствовали тысячи рабочих, комсомольцев, агитпропработников и просвещенцев

понимание. Как раз в самых серьезных местах аудитория прерывала меня аплодисментами, и не часто приходилось мне чувствовать свою мысль до такой степени ясно понимаемой и симпатично принимаемой. Тут сказывается прошлое Красноярска, вот эта его насыщенность и наслышанность большими политическими вопросами.

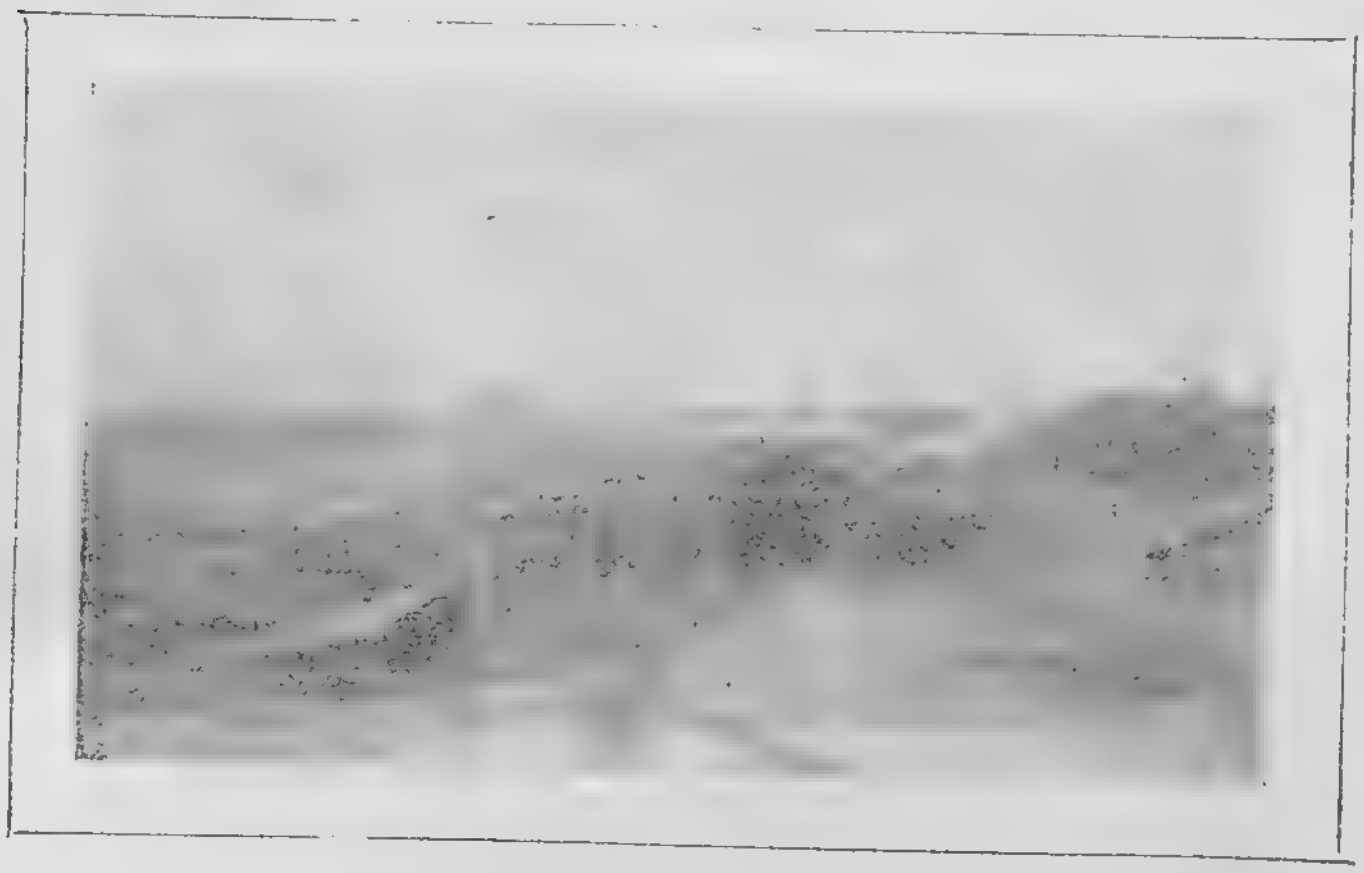
Мне жаль, что я не сумел посмотреть какой-нибудь спектакль в Красноярском театре. Здесь город разрешает проблему театра совершенно иначе, чем, напр., Иркутск или Новосибирск.

В Иркутске имеется превосходная драма, дающая смешанный репертуар, как бы составленный из лучших вещей всех московских театров. Идут споры, то ли это, что нужно рабочему, достаточно ли обслуживается рабочий. Однако Иркутская публика несомненно любит свой театр.

Новосибирск имеет театр оперный. Конечно, по оркестру, хору, в особенности же самой сцене (в неудобном, переделанном из „купеческого собрания" здании) театр—миниатюрный. Надо, однако, сказать, что эта миниатюрная опера не только вполне удовлетворительно проводит некоторые оперные спектакли, но даже с несомненным вкусом и хорошей артистичностью, чему я сам был свидетелем, воспроизводит такую сложную постановочную вещь, как балет „Красный мак". Однако, большие и заслуживающие похвалы усилия дирекции и артистов не находят милости в глазах новосибирской прессы, которая, исходя, может быть, из правильной предпосылки (надо бы спросить публику, а в особенности рабочих), что в Новосибирске лучше иметь драму, чем оперу, довела свои раздраженные нападки на оперный театр (правда, дающий 100.000 дефицита) до непозволительных пределов. Как иначе назвать появление статьи под названием „Классовый враг окопался в оперном театре"? В самом деле, кто дал, в конце концов, право журналистам Новосибирска (особенно, если они коммунисты) называть усердных тружеников, верящих в свое дело и добросовестно его исполняющих, „классовым врагом"? Надо помнить, какое

это страшное название, с какой обидой и как жутко воспринимает его всякий мало-мальски добросовестный интеллигент.

Красноярск поступил совсем по-другому. Он не только устроил у себя драматическуй театр, но еще и набрал почти всю труппу из рабочих. Повторяю,— жалею, что не видел этого рабочего театра, таких ведь у нас не очень много.



Вид на г. Красноярск — слева обрывистый берег

Расставаясь с красноярскими товарищами, я говорил с ними, конечно, не только об их театре, а обо всем их огромном и богатом крае с его Туруханском, с его лесами, пушниной, золотом и еще неразгаданными тайнами. А за Красноярском рисовалась передо мной и вся безграничная Сибирь, суровая, отнюдь не щедрая, но чрезвычайно богатая. Даром она ничего не дает, но за труд платит хорошо, и особенно за труд культурный. Как можно скорей и как можно больше надо дать этой

стране и просвещенные головы, и ловкие руки, и великую помощницу—машину, поскорей дать ей эту связку культурных ключей для того, чтобы раскрыть кладовые и подвалы этого огромного дворца северной природы, в котором люди живут далеко не хозяевами, а словно еле терпимые гости.

Сибирь еще нужно завоевать. Завоеванная, эта строгая красавица окажется великой подругой человеческому труду.

АПРЕЛЬ 1929

ПЕЙЗАЖНЫЕ КОМПЛИМЕНТНОГО

Б. РЕ

Я не буду долго скрывать от читателя имя этого путешественника. Не скрою его под псевдонимом. Скажу открыто: речь идет о наркоме просвещения, Анатолии Васильевиче Луначарском.

Когда тов. Луначарский, об'ехав всю Сибирь (по крайней мере, по линии железной дороги), вернулся — по пути в Москву — в Новосибирске его спросили:

— Что интересного вы видели в Сибири, Анатолий Васильевич?

— Да,—кратко, но выразительно ответил нарком, — у меня очень богатые пейзажные впечатления.

От более подробного изложения своих впечатлений тов. Луначарский, однако, отказался. Но, приехав в Москву, он заговорил сразу в нескольких газетах и журналах: в московской вечорке, в ленинградской вечорке, в «Красной Ниве» и т. д.

Мы имеем теперь возможность, хотя и с некоторым опозданием, информировать наших читателей о том, что увидел в Сибири тов. Луначарский.

Напомним, между прочим, что нарком просвещения приезжал к нам с отчетом правительства.

Но какая чудная природа в Сибири! Какие пейзажи! Вот послушайте:

насыпи и топя иной раз и все живое, попадающее в область его влияния».

Это в «Вечерней Москве». А в «Красной Ниве» тов. Луначарский дополняет свои впечатления:

«Красноярск. Красавец - город расположен по бурному и неукротимому Енисею, который каждое лето разбивает известное количество (?) баржей и выбрасывает иногда целые пароходы на берег. Енисей, замерзший, даже в своем окостеневшем виде дыбится».

Одним словом, страшен Енисей при бурной погоде, а также в окостеневшем виде, и вообще редкая птица долетит до середины Енисея, как писал еще Гоголь, Николай Васильевич, насчет Днепра. Луначарский, Анатолий Васильевич хорошо знает классиков, а факты знать ему не обязательно,—ведь он стоит за художества. Что же касается Енисея, как такового, то уж подлинно «не так страшен Енисей, как его малюют» некоторые пейзажные путешественники.

От красавца Красноярска не отстает, конечно, и красавец Иркутск.

«В день моего первого знакомства с Иркутском сияло солнце (опять!—Б. Р.). Иркутск весь дымился кудрявыми дымами (опять! Б. Р.), и сиял белоснежными снега-

НАСТОЯЩЕЕ

С
К
И
В
Е

Т
С

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“

ЛЕНИНГРАД, 2, Фонтанка, 57

В БИБЛИОТЕЧКЕ ЖУРНАЛА

„Юный пролетарий“

ВЫШЛА НОВАЯ КНИЖКА

„На 81° сев. широты“

Записки участника
экспедиции „КРАСИНА“

Л. Воронцовой

С многочисленными иллюстрациями
и схемами. — 80 стр.

Цена 40 коп.

Заказы и деньги направлять:

ЛЕНИНГРАД, 12, Фонтанка, 57,
Издательство „Красная Газета“

Продажа везде!

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“

ЛЕНИНГРАД, 2, Фонтанка, 57

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА
В ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

ВАЛЕРИАН ПРАВДУХИН

I

„ПО ИЗЛУЧИНАМ УРАЛА“

II

„В ЛЕСНОЙ СТЕПИ“

Путевые записки и воспоминания
с 22 иллюстрациями, 150 страниц

Цена 1 руб. 40 коп.

ЗАКАЗЫ и ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ:
Ленинград, 2, Фонтанка, 57, Издательство
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“

ПРОДАЖА ВЕЗДЕ

50=
(успешно)

ПЕЧАТЛЕНИЯ

ТЕШЕСТВЕННИКА

ОВ

описывает не город Иркутск,
уар светской красавицы.
ке самые обыкновенные доски,
обыкновенные столбы и
же обыкновенные галки мо-
олучить в глазах пейзажного
ественника какую-то особен-
утонченную очаровательность.
радостное умиление эти не-
нимые доски должны были
ить у московских читателей и
енно читательниц! Ведь в Мо-
а тем более, в Ленинграде,
но, никогда не бывает инея,
гда не бывает мороза. Чтобы
еть эти диковинные вещи, да
скандальных галок в придачу,
было специально с'ездить в
тск с отчетом правительства.
мы будем несправедливы к на-
любезному гостю, если ска-
что он ограничился описанием
ко очаровательной новосибир-
природы. Нет, комплимент-
путешественник отметил в сво-
аписях также и ряд обществен-
явлений сибирской жизни. Как-
оперу и оперетту.
натолий Васильевич пришел бу-
ьно в восторг от новосибирской
ы.
имел удовольствие видеть там
что иное, как «Красный мак». И
же — на малюсенькой сцене, с
ольшим количеством балетных

зы Главискусства вообще не разрешается? Раз'ясните, Анатолий Васильевич.

И, если уже разговор пошел о правах, то мы тоже имеем некоторые вопросы.

Мы спрашиваем: кто дал право тов. Луначарскому брать под свою высокую защиту эту глупую дребедень, этот мещанский хлам, эту халтуру, от которой он приходит в восторг? Кто дал ему право выдавать архаическую «Аиду», мещанскую «Марицу» и халтурно поставленный, при участии двух с половиной неуклюжих, но вполне оголенных балерин — «Красный мак» изумительным образом милых спектаклей в государственном театре? Да, кто дал такое право народному комиссару просвещения пролетарской страны?

У сибирской печати, по крайней мере, было не меньше прав бороться с этой халтурой, чем у пейзажного путешественника ее защищать.

Особенно тов. Луначарский возмущен газетой «Молодой Рабочий», в которой он нашел такой заголовок: «Классовый враг окопался в оперном театре». Он пытается изобразить дело так, будто молодежная газета называла оперных артистов классовыми врагами. Но это неправда. Газета «Молодой Рабо-

сибирской столицы ходить нужно с опасением, чтобы не увязнуть в грязи; говорят, местами на лошади не проедешь. Как с водопроводом— тоже не знаю».

Казалось бы, раз «не знаю», то и писать не о чем. Но наш путешественник пишет вообще о том, чего не знает, и поэтому он повествует не только о мостовых, которых не видел, но и о могучих рабоче - крестьянских плечах и грудях, которые он только угадывает. Он побывал на празднике ГПУ в Новосибирске и увидел:

«Этих стройных красных командиров, таких выдержанных, корректных и, вместе с тем, таких необыкновенно демократичных, что вы так и чувствуете под элегантной военной формой рабочую или крестьянскую грудь и плечи».

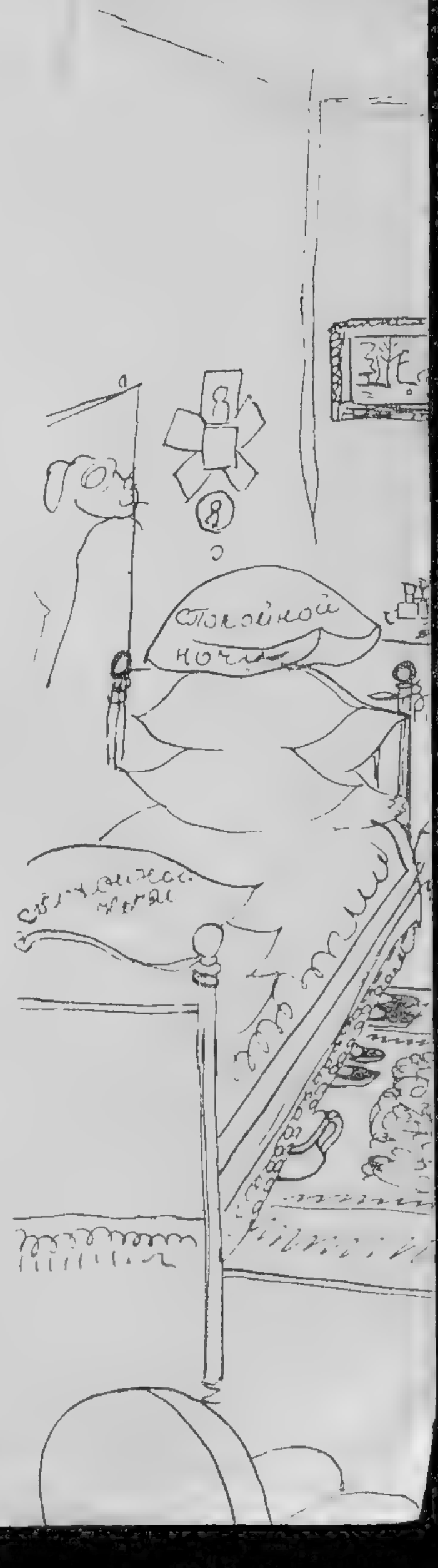
Прелестно, Анатолий Васильевич! Восхитительно! Дама самого высшего тона не могла бы написать об элегантных чекистах изящнее и деликатнее, чем вы.

В Новосибирске нарком увидел, однако, не только очаровательные халупки. Он в восхищении также от новосибирских «небоскребов»:

«Новосибирцы берут за основу монументальные американские небоскребы, хотя и не строят бесчисленное количество этажей, а возводят только шесть - семь».

В Новосибирске нет ни одного дома выше, чем в четыре этажа. Четырехэтажный дом трудно счесть небоскребом. Но это не важно. Два-три лишних этажа не в счет. Важно другое.

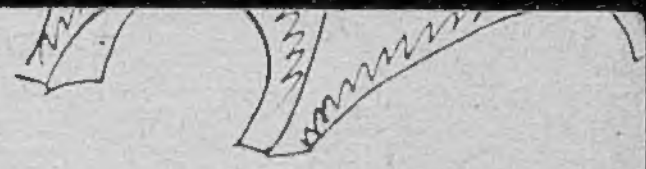
«Архитектор[illegible]



Известно, что наш нарком большой мастер на комплименты. Но в данном случае было бы лучше, если бы он воздержался. Члену правительства надо было бы не ограничиваться общим пейзажным впечатлением, а узнать — крепко ли построены эти здания. И тогда он узнал бы, что в доме Промбанка, в том самом, который послужил причиной комплимента, систематически протекает крыша и протекает она именно из-за нелепой архитектуры. Огромный никчемный парапет на доме не дает возможности сбросить снег с крыши. Снег слеживается весной и превращается в лед и каждый раз портит крышу.

Тов. Луначарский узнал бы далее, что в доме Сибкрайсоюза потолок не безопасен и что архитектор, строивший этот дом, предлагал, во избежание обвалов, автобусам по улице ездить осторожнее (!), чтобы не сотрясать почву.

И тогда, тогда он, может быть, воздержался бы от комплиментов архитекторам, которые... и т. д. Впрочем, может быть, и тогда бы он не воздержался. Ведь трещины пейзажа не меняют... А комплименты так приятно расточать.



Анатолий Васильевич рассы комплименты всем сибирякам исключения. Вот читайте:

«Эти сибиряки, где вы их возьмете, представляют собою у вительную коллекцию типов, за торую должен был бы ухвати любой художник. Бородатые вьющимися вокруг лысины сед ми, с такой значительностью и сте с тем простотою выраже какую старались придать худож ки изображениям апостолов, м дые, широкогрудые, мускулисты обветренными лицами, бритыми усатыми, то желтоватые, с шир расставленными глазами, полн вопроса и напряжения, как бу переводящими русскую речь язык своей мысли, то смуг маленькие подвижные, с каки совсем чуждым и неожидан складом морщинистых физи мий».

и. Небольшой оркестр и танцо-
нисколько не уронили общего
чатления от постановки, которая
таточно интересна для любой
лицы, а для новой Сибири дол-
быть признана изумительной».
абочий нашей типографии, про-
ав это определение тов. Луна-
ского в журнале «Красная Ни-
все приставал ко мне с вопро-
как это нарком, крупный по-
ический деятель, можно сказать,
екотором роде вождь, может да-
такие милые характеристики
условно дрянному, халтурному и
ершенно никчемному спектаклю,
го это за определение «милый»?
сожалению, я ничего не мог от-
ить этому рабочему по суще-
заданного мне вопроса. Мне
о стыдно за наркома.

кто дал право, — неожиданно
вно спрашивает Анатолий Ва-
евич, огорченный в своих
ших чувствах,—кто дал право
ирской печати выступать про-
оперы?».

акое право, Анатолий Василье-
? Как разрешите вас понять?
что в области искусства рабо-
печать имеет право говорить
ько комплименты? Или так, что
ой области самокритика без ви-

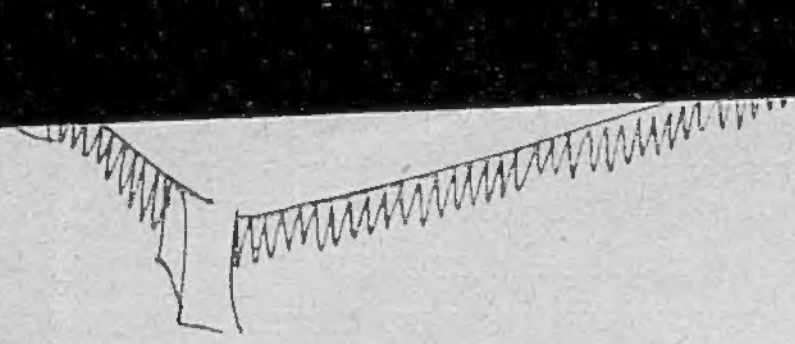
ворили о том, что эта опера нужна только мещанам, нэпманам, идущим млеть и отдыхать в театре от тяжелой для них советской действительности. Газета утверждала, что нэпманы, т.-е. наши классовые враги, цепко держатся за оперу, против злободневной драмы, настолько цепко, что они успели себе найти глашатаев даже среди некоторых ответственных коммунистов. Разве не права была газета? Разве мы не видим теперь, что глашатаями мещан являются иные коммунисты даже внесибирского масштаба...

Новосибирск произвел на тов. Луначарского тоже очаровательное впечатление.

В Новосибирске, оказывается, «есть много построек очаровательных. Чего тут только нет: какие-то домишки в одно окно, самые фантастические халупки, хатки из всякого бросового материала, была бы печь в середине, да хоть какие-нибудь стены, удерживающие тепло».

После очаровательных халупок в пейзанском стиле наш путешественник обратил внимание на новосибирскую мостовую:

«Как насчет мостовых — не знаю, зима-матушка мостит прекрасно, а летом, вероятно, в трех четвертях



ТЬ ЕЩЕ КРАСОТА В ЖИЗНИ!

Рисунок С. Липина

Ну, разве это не комплимент! Вы слышите ли, товарищи сибиряки? За вас должен был бы ухватиться любой художник. И чего они только медлят, эти художники? Ведь среди «этих сибиряков» есть и усатые и безусые, и бородатые, и бритые, и лысые, и кудрявые, и толстые, и тонкие... Ведь это, это же само очаровательно! Ну, скажите сами.

Тов. Луначарский во всех своих многочисленных очерках главное внимание уделяет пейзажным впечатлениям и только один раз он возвышается до подлинного серьезного экономического анализа. В Иркутске наш нарком обратил внимание на «невероятное количество торговцев, бесчисленное количество лавченок, где торгуют шляпами, часами и т. д. И когда я спросил: «Как же в таком небольшом, сравнительно, городе может существовать такое количество торговцев?» — мне весьма конкретно и весьма убедительно раз'яснили: «Ну, что же, шляпники покупают часы у часовщиков, часовщики покупают шляпы у шляпников. Таким образом и живут».

Нарком, очевидно, вполне удовлетворился таким ответом.

Таковы впечатления от Сибири нашего комплиментного путешественника. Я не мог передать всего за недостатком места. Я пропустил многое, в частности, о том, как его всюду принимали:

«Кричали женщины ура
и в воздух чепчики бросали».

Как он фотографировался. Как его фотографировали, как с ним фотографировались и как на это замечательное зрелище «уставилась корова». Я все это пропустил. Но разве того, что приведено, мало?

Скажите мне после всего этого, товарищ читатель, что же такое пошлость?

слегка туманном воздухе великолепным кругом опаловым с чуть заметными нюансами радуги, а вокруг первой окружности описана была еще и другая дуга, значительно более бледная. Солнце сияло в этой двойной короне, устроенной ему мельчайшими частицами льда, и в благодарность весело выделяло все рельефы раскинувшегося по холмам и оврагам Красноярска...

Красноярск весь, как на ладони, и весь дымящийся, словно каждый дом, возносит курения солнцу в его двойной тиаре».

Красноярск, возносящий курения и дымы солнцу в двойной короне! Какое возвышенное, какое античное зрелище! И подумать, что это означает всего-на-всего то, что красноярцы топят печи. Но каким утонченным становится это грубое и обыденное дело, как только к нему прикасается перо галантного путешественника.

От волшебного солнца, от его двойной тиары, от нюансов радуги тов. Луначарский пришел в восторг. Но, в общем, безобидный Енисей привел его в ужас.

«Енисей — река капризная и даже страшная. Каждый год своевольничает он, разбивая баржи, унося

[illegible] только видно было кругом, покрылось инеем самой утонченной работы. Деревья стояли серебряные и ювелирные, такие легкие и неподвижные, что немыслимо было отказаться от представления, будто они красуются, будто они щеголяют, показывают себя. Но и самые мертвые доски заборов, столбы, фонари не были забыты природой, каждая вещь была так или иначе орнаментирована пухом и серебром. Вдоль улицы бежали самые обыкновенные телеграфные провода, но обыкновенные телеграфные провода в [illegible]ках сибирской зимы превращаются в нечто неиз'яснимо легкое, гобовато - белое, кружевное. Це[illegible] пучок таких аксельбантов бежит над вами по голубому фону неба. Тишина нарушается почти только галками и, кажется, что они кричат необыкновенно громко и нарочно стараются устроить какой-то скандал в этой торжественной тишине, которая их будто пугает».

Какие неиз'яснимо легкие, кружевные и ювелирные сравнения. Какие запасы богатств: опалов горностаев, кружев, серебра и пуха скрываются прямо на красноярских и иркутских улицах! Можно подумать, что Анатолий Васил